

ПРОСТЫЕ ИСТОРИИ

SIMPLE STORIES

LIHTSAD JUTUD

... FROM LIFE OF POSITIVE PEOPLE

... ИЗ ЖИЗНИ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

... POSITIIVSETE INIMESTE ELUST

ПРОСТЫЕ ИСТОРИИ

SIMPLE STORIES

LIHTSAD JUTUD

**Simple stories. From the lives of positive people.
Простые истории. Из жизни положительных людей.
Lihtsad jutud. Positiivsete inimeste elust.**

Tallinn, ESTONIA
2004

Simple stories. From the lives of positive people.

Publication of NGO Convictus Eesti

Financed by USA Embassy in Estonia

Editors: Igor Sobolev (head of the project)

Julia Vinckler
Lachin Alijev

Reviewer: A. Artur E. Laast

Design: Igor Sobolev

Photo: Lachin Alijev

Translators: Tonis Torn

Alisa Didyk
Eero Saidla
Eve Saaliste
Mark Kallas

Lay-out: Igor Sobolev

Publisher: LIVRET

We are thankful to all authors for their decision to participate in the creation of this book.

The opinions and conclusions expressed in this book reflect the viewpoint of the authors.

Copyright © NGO Convictus Eesti.
All rights reserved.

Простые истории. Из жизни положительных людей.

Издание НПО Convictus Eesti

Финансировано Посольством США в Эстонии.

Составители: Игорь Соболев
(руководитель проекта)

Юлия Винклер

Лачин Алиев

Рецензент: А. Артур Е. Лааст

Оформление: Игорь Соболев

Фото: Лачин Алиев

Переводчики: Тынис Торн

Алиса Дидык

Ээро Сайдла

Эве Саалисте

Марк Каллас

Набор и верстка: Игорь Соболев

Издательство: LIVRET

Мы благодарим всех авторов за их решение принять участие в создании этой книги.

Мнения и заключения, опубликованные в книге, отражают точку зрения автора (авторов).

Авторские права © НПО Convictus Eesti.
Все права защищены.

Lihtsad jutud. Positiivsete inimeste elust.

Väljaanne MTÜ Convictus Eesti

Finansseeritud USA Suursaatkonnaga Eesti Vabariigis.

Koostajad: Igor Sobolev
(projekti juhataja)

Julia Vinckler

Latsin Alijev

Retsensent: A. Artur E. Laast

Kujundamine: Igor Sobolev

Fotod: Latsin Alijev

Tõlkijad: Tõnis Torn

Alisa Didök

Eero Saidla

Eve Saaliste

Mark Kallas

Ladumine ja küljendus: Igor Sobolev

Trükikoda: LIVRET

Täname kõiki autoreid, et nad otsustasid osaleda selle raamatu loomisel.

Raamatus avaldatud arvamusel ja kokkuvõtetel kajastavad autorite seisukohti.

Autoriõigused © MTÜ Convictus Eesti.
Kõik õigused reserveeritud.

Preface

We compiled this book from the ordinary stories written by HIV-positive people. They are addressed to you! Their relatives, friends, and strangers. HIV epidemic that has spread all around the world brings very grave social consequences to the infected people as well as to those not affected by it directly. People are suffering not only from the weakening of immune system – many are desperate because of the stigmatization, discrimination, and isolation. Our heroes have not given up. They are trying to solve the difficult situations they are in. This book reduces the panic and bestows a hope upon us – a hope for a longer living. To hear out other people, to tell about oneself and one's feelings – that is what we need in order not to feel lonely. People with HIV diagnosis have decided to share with you their emotional state.

Editors

Предисловие

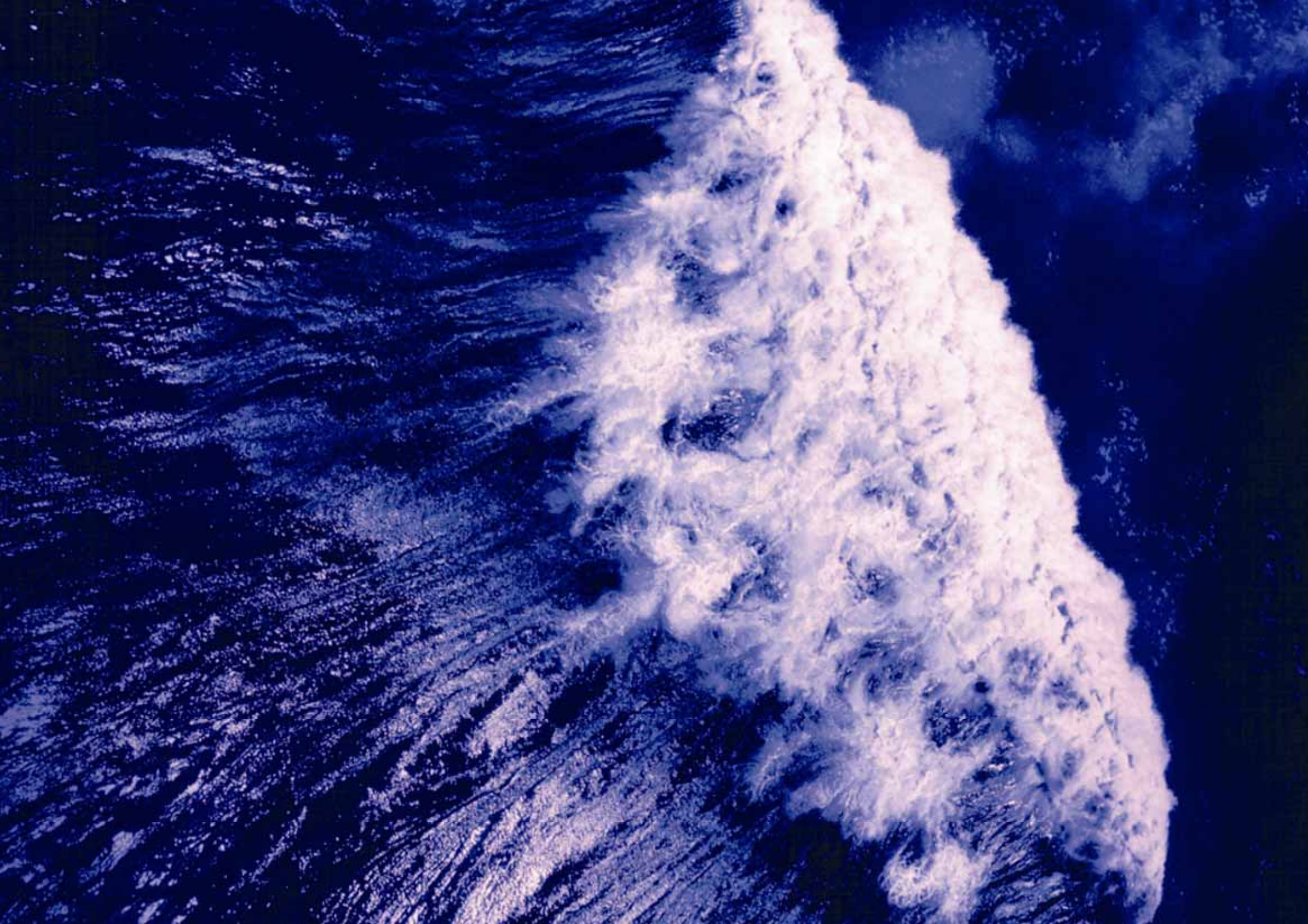
Мы составили эту книгу из простых историй, которые написаны ВИЧ-положительными людьми. Они обращаются к вам! К близким, друзьям и совсем незнакомым людям. Эпидемия ВИЧ, получившая распространение в мировом масштабе, имеет глубокие общественные последствия, как для самих инфицированных, так и тех, кого прямо не затронула эта инфекция. Люди страдают не только от последствий ослабления иммунной системы, многие отчаиваются из-за стигматизации, дискриминации и изоляции. Наши герои не прибывают в пассивности, а активно разбираются в сложившейся жизненной ситуации. Эта книга обращает против паники, она пробуждает надежду к более долгой жизни. Выслушать других людей, рассказать о себе и своих чувствах оказывается именно то, что нужно всем нам, для того, чтобы не чувствовать себя одиноко. Люди, получившие диагноз ВИЧ, решили поделиться с вами своим душевным состоянием.

Составители

Eessõna

See raamatuke on koostatud lihtsatest lugudest, mille on kirja pannud HIV-positiivsed inimesed. Nad pöörduvad teie poole! Omaksite, sõprade või hoopis tundmatute poole. HIV-epideemial, mis on nüüdseks levinud kogu maailmas, on sügavad ühiskondlikud tagajärjed nii nakatatud isikutele kui ka neile, kes ei ole ise otseselt infektsiooniga seotud. Inimestele ei valmista kannatusi mitte ainult immuunsüsteemi nõrgenemine, vaid ka nakkusega seotud märgistatus, diskrimineerimine ja isolatsiooni sattumine. Meie autorid ei ole kaotanud lootust ning langenud meeletusse, vaid püüavad mõista olukorda, millesse nad saatuse tahtel on sattunud. Nende eesmärgiks on soov vastu seista mustale masendusele ja paanikale, sisendada lootust ja usku, et elu jätkub. Jutustada endast ja oma tunnetest, kuulata ära teisi inimesi ning jagada oma muret - tuleb välja, et see lihtne asi on nii vajalik meile kõigile saamaks üle painavast üksindustundest. Inimesed, kes on saanud HIV-positiivse diagnoosi, jutustavad järgnevatel lehekülgedel oma praegusest olukorrast, üleelamistest ja hingeseisundist.

Koostajad

*No man is an island entire
of itself; every man
is a piece of the continent, a
part of the main;
if a clod be washed away by
the sea, Europe
is the less, as well as if a
promontory were, as
well as any manner of thy
friends or of thine
own were; any man's death
diminishes me,
because I am involved in
mankind.
And therefore never send to
know for whom
the bell tolls; it tolls for thee.*

John Donne

*Нет человека, который
был бы как Остров, сам по
себе:
каждый человек есть часть
Материка, часть Суши; и
если
Волной снесет в море бере-
говой Утес, меньше ста-
нет Европа,
и также, если смоем край
Мыса или разрушит Замок
твой или
Друга твоего; смерть каж-
дого Человека умяет и
меня, ибо
я един со всем Человечест-
вом, а потому не спраши-
вай
никогда, по ком звонит Ко-
локол: он звонит по Тебе.*

Джон Донн

*Ükski inimene ei ole Saar,
täiesti omaette: iga inimene
on tükk Mandrist,
osa Maismaast; kui Meri Mul-
lakamaka minema uhub,
jäab Euroopa väiksemaks,
samuti ka siis, kui ta Maanina
uputab või sinu sõprade või
sinu enda Lossi
purustab; iga inimese surm
kahandab mind, sest mina
kuulun Inimkonda; ja
sellepärast ära iialgi päri, kel-
lele lüüakse hingekeella: seda
lüüakse
sinule.*

John Donne

Seva/Ceva/Seva, 46

It was the end of 1988 – the year of dragon. I was counting the days when it would end because it was a very bad year for all my family. In spring my brother got into a car accident, one of his passengers died. In July my father had a second stroke and was paralyzed. My mother was taking care after him for three years. When would this terrible year end!? Something told me that I was in danger too. I was very agitated and couldn't sleep at nights.

But what soon happened to me I was more dreadful than I could imagine in the most terrible nightmare. In the last decade of October I was at work celebrating the birthday of one colleague. The phone rang and one of the colleagues from my department told me that I was asked to call back on the given number. I knew well that number (it was the number of one of my friends) and I, without any worries, called this number when returned to my office.

A short prehistory.

Those days I was still a bachelor, joyful, well-to-do man with an interesting and well-paid work. I was travelling around the country on business, choosing the routes by myself. I believed my life was successful and everything worked out perfectly. I often met different people in the new places and quite often these acquaintances smoothly led to the sexual relations.

I should also add that I have always preferred homosexual relations. That is why, every six months I anonymously passed tests for different sexually transmitted diseases. I knew that sometimes I had minor "health problems".

So I am there in my office. I call back my friend and ask him what kind of problems do I have?

- *Gonorrhoea?* – I asked.

It is more serious! – the voice said.

- *Is it syphilis?*

I am afraid it is worse! You must pass the test again immediately. And this time, of course, it can't be anonymous. You must do the test within three days, not later. The initial results are dispiriting.

Only then did I realize what had happened.

A blow, confusion, the thoughts were confused, what will happen next? The life has stopped! Back at that

Был на исходе 1988 год – год Дракона. Я считал дни, когда же он закончится, поскольку для всей моей семьи это был очень страшный год. Весной мой брат попал в автомобильную аварию, где погиб пассажир его автомобиля, в июле у отца случился второй инсульт и его парализовало, мама не отходила от его постели более трех лет. Ну, когда же этот год закончится! Что то подсказывало, что и со мной должно что-то случиться. Душа была не на месте, спалось очень плохо.

Но то, что случилось, мне не могло бы присниться и в самом страшном сне. В 20-тых числах октября я был на работе и в соседнем отделе мы отмечали день рождения моего коллеги. Позвонил телефон внутренней связи, и работница моего отдела сказала, что несколько раз мне звонили по городскому телефону и просили срочно перезвонить по такому-то номеру. Этот номер я знал (номер моего знакомого), и особенно не нервничая, вернувшись в свой кабинет, позвонил.

Небольшая предыстория.

Поскольку я был холост, весел, обеспечен, имел интересную и хорошо оплачиваемую работу, часто ездил по всей стране по служебным делам, более того, сам же и выбирал маршруты, постольку я считал, что жизнь удалась и все идет прелестно. Часто знакомился в новых местах с новыми людьми, и частенько эти знакомства плавно переходили в сексуальные отношения.

Добавлю еще то, что я всегда предпочитал однополые отношения. В связи с этим, раз в пол года, я анонимно проверялся на наличие болезней, передаваемых половым путем, поскольку иногда случались мелкие «расстройства здоровья».

Так вот, я набираю городской номер моего знакомого и спрашиваю, что у меня за неприятности?

Гонорея? – спросил я

Бери выше! – последовал ответ

Неужели сифилис?

Боюсь, что еще хуже! Тебе срочно необходимо сдать повторные анализы и, естественно, об анонимности более речи не может быть. Необходимо в течении 3-х дней повторить анализ, по-

Lõppemas oli 1988. aasta – draakoni aasta. Lugesin aasta lõpuni jäänud päevi, kuna kogu mu perekonna jaoks oli see olnud kohutav aasta. Kevadel juhtus mu vennal autoavarii, kus ta kaassõitja hukkus, juulis oli isal teine insult ja ta jäi halvatuks, ema ei lahkunud üle kolme aasta ta voodi juurest. Noh, millal see aasta ometi lõpeb! Oli mingi eelaimus, et minuga juhtub midagi. Olin rahutu, magasin halvasti.

Aga seda mis juhtus, ei oleks suutnud ette kujutada ka kõige õudsemas unenäos. 20. oktoobri paiku olin töö ja tähistasime naaberosakonnas kolleegi sünnipäeva. Sisetelefon helises, ja minu osakonna töötaja ütles, et mulle on mitu korda linnatelefonilt helistatud ning palutud kiiresti sellel ja sellel numbril tagasi helistada. Seda numbrit ma teadsin (mu tuttava number), ning eriti närveerimata läksin tagasi oma kabinetti ja helistasin.

Lühike eellugu.

Kuna ma olin vallaline, lõbus, kindlustatud ja mul oli huvitav ja hästitasustatud töökoht, reisisin tihti töösajus üle kogu riigi, ka reisimarsruudid valisin ise; siis arvasin, et elu on korras ja kõik läheb suurepäraselt. Tihti tutvusin uutest kohtades uute inimestega ja sageli läksid need tutvused sujuvalt üle seksuaalsuheteks.

Lisan veel seda, et eelistan samasoolisi suhteid. Seoses sellega käin regulaarselt kaks korda aastas anonüümses tervise kontrollis sugulisel teel levivate haiguste suhtes, kuna vahel on juhtunud väikesed „tervislikke häireid“.

Nojah, helistan siis oma tuttavale ja küsin, millised ebameeldivused mul on?

Gonorröa? – küsisin ma

Võta kõrgemalt – järgnes vastus

Kas tõesti süüfilis?

Kardan, et veel hulleml! Sul on vaja kiiresti teha kordusanalüüsid teha, anonüümsusest ei ole enam juttugi. Kolme päeva jooksul on vajalik analüüse korrata, kuna esialgsed tulemused on kahtlased.

Ja sellel hetkel taipasin, mis on juhtunud.

time I didn't even imagine what AIDS was. Does that mean I have only one month to live? What will they do to me?

I called my boss and said that I had some family troubles and I didn't know when I would be able to appear at work. I bought a few bottles of cognac in the store, locked myself up at home, switched off the phone and the door-bell.

Two days I was slowly going mad, drinking heavily, sobbing, feeling sorry for myself and my useless life. But there still was a little hope, for I was told that those were the initial results and I should repeat the test.

I plucked up my courage and called the health center. They were already expecting my call. I made an appointment for the second test.

I was received by the head doctor who took the samples. I was informed that part of my blood would be examined in Tallinn and another part would be taken by a courier to Moscow. The final diagnosis could be issued only there. I decided to go together with the courier to Moscow.

It is the end of October. I am living in the guest-house of the Estonian representative and waiting, waiting, waiting. Finally we decided on meeting with the courier at the hospital, where I would be informed of my final diagnosis.

Isolation hospital on 7th Sokolinaja Gora street. We go up to the second floor and meet the doctor, Oleg Heraldovich, who tells us right away that the analyses gave the positive result. There were no doubts. Since I was already in Moscow it would be expedient that I would stay in the hospital for two weeks to pass the full observation. I agreed.

The ward for 8 people. I am the only white man, all the rest are African (Moscow universities' students). In the afternoon we were joined by their girl-friends from the neighbouring wards. The African songs, drum din, foreign speech – I am quietly going mad. It is so surreal that I seem to be in another life already. It was the first time when I thought about the suicide. I am smoking nervously in the toilet room.

In the evening our ward was visited by the head of the department, E. Gorbacheva. She quickly estimated the situation and my state, then she asked me to collect my belongings and follow her. She transferred me into a good, separate ward, without neighbours and decent

сколькo первичные результаты удручающие.

И только в этот момент я осознал, что же случилось. Удар, смятение, мысли путаются, что будет дальше? Жизнь кончена! В те давние времена я даже не представлял себе, что такое СПИД.

Это осталось жить месяц?

Что сделают со мной?

Позвонил своему директору и сказал, что у меня семейные неприятности и когда опять буду на работе, не знаю. Заехал в магазин, купил несколько бутылок коньяка, закрылся в доме, выключил телефон и дверной звонок.

Два дня тихо сходил с ума, пьянствовал, рыдал, жалел себя и свою пропашую жизнь. Но маленькая надежда все же теплилась, поскольку мне было сказано, что это предварительные результаты, необходимо сделать повторный анализ.

Собрался с собой, позвонил в КВД, где меня уже очень ждали, и договорился о проведении повторных анализов. Принял меня главный врач, тут же взяли пробы, и мне было объяснено, что часть моей крови будет исследована в Таллинне, а часть отправлена курьером в Москву, поскольку только там смогут поставить окончательный диагноз. Я решил тоже поехать вместе с курьером и моими анализами в Москву.

Конец октября, я живу в гостевом доме эстонского представительства и жду, жду, жду. Наконец, договорился с курьером встретиться в больнице, где мне и будет озвучен окончательный диагноз. Инфекционная больница на улице 7-й Соколиной горы, поднимаемся на 3-й этаж, к нам выходит лечащий врач Олег Геральдович и тут же выдает ответ, что анализы дали положительный результат, сомнений нет. А поскольку я уже в Москве, было бы целесообразно остаться в больнице на две недели и пройти полное обследование. Я согласился.

Палата на 8 человек, только я белый, остальные африканцы (студенты московских вузов). После обхода к ним присоединились их подруги из других палат – африканские песни, грохот барабанов, чужая речь – я тихо начинаю сходить с ума, это настолько ирреально, что кажется я уже в другой жизни. Первый раз пришла мысль покончить с собой. Нервно курю сигарету за сигаретой в туалетной комнате. Вечером в нашу палату пришла заведующая отделением Е.Горбачева. Тут же оценив обстановку, мое состояние, она просто по-

Löök, kahtlused, segased mõtted, mis saab edasi? Elu on läbi! Tol ammusel ajal ei kujutanud ma endale isegi ette, mis on AIDS.

Kas elada on jäänud kuu?

Mida minuga ette võetakse?

Helistasin oma direktorile, ja ütlesin, et mul on perekondlikud ebameeldivused ja ei tea millal ma tööle tagasi tulen. Sõitsin poodi, ostsin mõned pudelid konjakit, sulgusin koju, lülitasin telefoni ja uksekella välja.

Kaks päeva olin hullumas, jõin, halasin, haletsesin ennast ja oma kadunud elu. Siiski oli jäänud väike lootus, öeldavasti olid need esialgsed tulemused, tuleb teha kordusanalüüs.

Võtsin ennast kokku, helistasin Naha- ja Suguhaiguste Dispanserisse, kus mind juba väga oodati, ning leppisin kordusanalüüside suhtes kokku.

Mind võttis vastu peaarst, kohe võeti ka proovid, ning mulle selgitati, et osa minu verest uuritakse Tallinnas, aga teine osa saadetakse kulleriga Moskvasse, kuna ainult nemad suudavad panna lõpliku diagnoosi. Ma otsustasin sõita koos kulleri ja oma analüüsidega Moskvasse.

Oktoobri lõpp, elan Eesti esinduse külaliskameras ja ootan, ootan, ootan. Lõpuks leppisin kulleriga kokku kohtumise haiglas, kus ma pidin kuulma lõpliku diagnoosi. Nakkushaigla 7-ndal Sokoloini Gorõ tänaval, läheme kolmandale korrusele, meie juurde tuleb raviarst Oleg Geraldovitš, ning kohe ka ütleb, et analüüside andsid positiivse tulemuse, kahtlusi pole. Kui võrd ma olen juba Moskvast, oleks otstarbekas jääda kaheks nädalaks haiglasse ja läbida täielikud uuringud. Olin nõus.

Kaheksakohaline palat, ainult mina olen valge, ülejäänud on aafrikased (üliõpilased Moskva ülikoolidest). Peale arsti viisiti liitusid nendega sõbratarid teistest palatitest – aafrika laulud, trummipõrin, võõrkeelne kõne – hakkas vaikset hulluks minema, see on nii irraalne, tundub, et olen juba teises elus. Esimest korda tuli pähe enesetapp. Tualettruumis suitsetan närviliselt suitsu suitsu järel. Õhtul tuli meie palatisse osakonnajuhataja E. Gorbatšova. Hinnanud olukorda, minu meeleolu, ta lihtsalt palus mul oma

environment. 16 years have passed since that day, but I still remember everything in the smallest details. The emotional state has eased a bit. I calmed down. At about eight o'clock in the evening somebody knocked and I saw several young and curious eyes. *Lets get acquainted! We have spent some time here already. Some of us are from Moscow, some from Odessa etc.*

Suddenly the bottle of port and ashtray appeared from nowhere. Everyone sat down, some sat on the bed, others on the floor.

-Alcohol and cigarettes in the ward? – I couldn't imagine that.

It turned out that it was quite acceptable. For the first time in weeks I could freely talk to my new friends because they had the same problems. The nervous strain has finally gone. I saw I was not alone, that I still had time to live with this diagnosis. I didn't want to leave this life yet. The psychological and moral support came just in time. The following day all possible analyses were taken. I was given injections, x-rayed, examined and had samples from all of my cavities taken. The relations with the hospital staff were excellent – the doctors were very tactful and nurses were very attentive. In the evenings our big company was having parties in one of the wards or eating out in the central restaurants of Moscow. I still have very cordial relationship with many of them. Unfortunately, some of them have already passed away.

In the middle of November I returned to Tallinn. I was suggested to come to the Ministry of Health, where I met the head expert of the Republic on infectious diseases. I was explained what was allowed and what was prohibited to me now. I signed several papers that were prohibiting me some things in my life. The list of my sexual partners of the last two years was composed relying on my words. All of these people were invited and examined several times. Fortunately, none of them, in Estonia, happened to have this diagnosis. All Estonian newspapers were writing about the first HIV-positive. One of the journalists promised to eat up his hat if he doesn't get an interview with this outcast. "Hello! Where is your hat?" Of course, lots of gossips and rumours were spreading. BUT!!!

A kowtow to the Ministry of Health!!! They deliber-

просила, чтобы я собрал мои вещи и пошел бы с ней. Определила меня в сносную, отдельную палату, без соседей и с вполне приличной обстановкой. Прошло 16 лет, но я до мельчайших подробностей помню этот день, Немножечко отпустило, я чуть успокоился.

Часов в восемь вечера в мою дверь постучали и, на пороге я увидел пару молодых и любопытствующих глаз.

Давай знакомиться! Мы здесь уже достаточно давно, кто из Москвы, кто из Одессы и т.д.

Тут же откуда-то была извлечена бутылка портвейна, пепельница и все расселись на кровати и на полу.

Алкоголь и сигареты в палате? – я как-то этого не представлял. Оказывается, это было вполне допустимо. Впервые за все эти недели и дни я мог свободно говорить с моими новыми знакомыми, поскольку те же проблемы были и у них. Нервное напряжение, наконец то спало, я увидел, что я не один такой, что можно еще немножечко пожить и с таким диагнозом и как то совсем уже не хотелось уходить из этой жизни. Очень вовремя подросла психологическая и моральная поддержка.

На другой день начались всевозможные обследования моего организма. Меня кололи, просвечивали, простукивали, брали анализы из всех мыслимых отверстий. Отношения с мед. персоналом были великолепные – очень чуткие врачи и заботливые сестры. Вечерами, большой компанией, мы устраивали вечеринки в какой то из палат или ездили ужинать в центр Москвы. До сих пор я поддерживаю очень теплые отношения со многими из них. К сожалению, кого-то уже нет в живых.

В середине ноября я вернулся в Таллинн, где мне тут же было предложено приехать в Министерство здравоохранения, где я встретился с главным инфекционистом республики. Мне было разъяснено, что в дальнейшем мне можно, а что нельзя. Я подписал несколько бумаг, где что-то мне в этой жизни запрещалось. Также был составлен, с моих слов, список всех моих сексуальных партнеров за последние два года. Всех, понятно, вызывали и проверяли по несколько раз. К счастью, ни у одного из них в Эстонии подобный диагноз не подтвердился. Все газеты Эстонии писали о первом ВИЧ-

asjad võtta ja endaga kaasa minna. Mulle määrati väljakannatamatu eraldi palat, ilma naabritega ja heas seisukorras. Möödunud on 16 aastat, aga mäletan seda päeva pisiasjadeni. Pinge veidi langes, pisut rahunesin. Kell kaheksa õhtul koputati mu uksele ja lävel nägin ma mitmeid noori ja uudishimulikke silmi.

Saame tuttavaks! Me oleme siin küllalt kaua, kes Moskvast, kes Odessast jne.

Kohe ilmus kuskilt välja ka pudel portveini, tuhatos ja kõik leidsid endale koha voodil ja põrandal.

Alkohol ja sigaretid palatis? – see tundus mõeldamatuna.

Selgus, et see oli täiesti lubatud. Esimest korda nende nädalate ja päevade jooksul võisin vabalt rääkida oma uute tuttavatega, kuna neil olid samad probleemid. Närvipinges langes, nägin, et ma pole ainus niisugune ja selle diagnoosiga on võimalik veidi elada ja enesetapumõtted kadusid. Väga õigel ajal sain psühholoogilist ja moraalset toetust.

Järgmisel päeval algasid minu organismi kõikvõimalikud uuringud. Mind süstiti, valgustati läbi, koputati, võeti analüüse kõikmõeldavatest kehasadest. Medpersonaliga suhtumine oli suurepärase – väga arusaavad arstid ja hoolitsevad õed. Õhtuti, suure seltskonnaga, korraldasime mõnes palatis peo või läksime kesklinna õhtust sööma. Siinemaani hoian ma paljudega neist sooje suhteid. Kahjuks pole neist mõned enam elus.

Novembri keskel naasin Tallinna, kus tehti mulle kohe ettepanek minna tervishoiuministri kabinetti, kus ma kohtusin vabariigi peanakkusarstiga. Mulle tehti selgeks, mis on mulle tulevikus lubatud ja mis mitte. Kirjutasin alla mitmele paberile, mis mulle selles elus keelatud on. Samuti koostati, minu sõnade järgi, nimekiri minu viimase kahe aasta seksuaalpartnerite kohta. Kõiki neid, arusaadavalt, kutsuti välja ja kontrolliti mitu korda. Õnneks mitte kellelgi neist Eestis taolist diagnoosi ei kinnitatud. Kõik Eesti ajalehed kirjutasid esimesest HIV-nakatunust. Keegi ajakirjanik lubas oma mütsi ära süüa, kui ta ei saa kätte intervjuud selle hüljatuga. „Auu! Kus te müts on?“ Muidugi, tekkis palju tagarääkimist ja

ately gave an interview for the press that, indeed, there was disclosed the first HIV-infected in Estonia. But that was some seaman from Pärnu county, who had been infected in a faraway countries. That is how many of the problems were avoided. No one found out anything – not at work, not in the building I was living in. My close friends, of course, learnt about that. Many of them I informed myself. Part of my friends broke off with me immediately, and some helped me psychologically in the most difficult period of my life. These friends are still with me.

It is already 12 years that I am living in harmony with my partner, and that always helps me in life. I am not alone, someone needs me. At the same time I promised myself that I would never come down and I would not lower the level of my living.

The life has become brighter, more complete, more interesting, for now I am supposed to live one day at a time and receive it as if it was a present. My life has been divided into the life BEFORE and the life AFTER.

11 years ago ESPO organization was created. This organization works for people living with HIV and AIDS, and from the first day of the establishment I have been its president. So many things have happened during all these years. We have had sad moments – our friends were passing away, but we have had many good moments too.

ESPO organization has always been this straw that one could grasp at in the most difficult period – when learning the positive results of the test. Lots of work has been done. We have managed to change many things for the better, the life quality of HIV-positives has improved, many people have attained HOPE!

How many new friends we have found, and how many meetings with interesting people we have had! We have been almost around the world. Many places around the world know about us. Hasn't our life been a success?

инфицированном. Один из корреспондентов обещал съесть свою шляпу, если не добудет интервью с этим изгоем. «Ау-у! Где ваша шляпа?». Конечно же, появились множество слухов и сплетен, НО!!!

Большой поклон Министерству здравоохранения!!! Они специально дали интервью для прессы, что действительно в Эстонии обнаружен первый ВИЧ-инфицированный, но это какой-то моряк из Пярнуского района, который получил ВИЧ инфекцию в дальних странах. Таким образом, множество проблем удалось избежать. Никто ничего не узнал ни на моей работе, ни в доме, где я проживал. Конечно, мои близкие знакомые узнали об этом, да я и сам некоторым рассказал. Часть из них немедленно прекратила все отношения со мной, а некоторые психологически помогли мне в этот тяжелый период моей жизни. Друзья эти остались со мной до сих пор.

Уже 12 лет я живу в согласии с моей половиной, это всегда помогает мне в жизни. Я не один, я кому-то нужен. В это же время я для себя дал зарок, что никогда не опущусь в этой жизни и не снижу свою планку.

Жизнь, как-то, стала ярче, полнее, интереснее, поскольку уже приходилось жить каждым днем и получать его, как подарок. Она очень четко разделилась на жизнь ДО и жизнь ПОСЛЕ.

11 лет назад в Эстонии было создано общество ЭСПО для людей, живущих с ВИЧ/СПИДом и, с основания этого общества я являюсь его президентом. Чего только не произошло за эти годы. Было и страшное – уходили наши друзья, но было и очень много хорошего.

Общество ЭСПО всегда было той веточкой, за которую можно ухватиться в самый трудный период – получение положительного результата анализа. Прделана очень большая работа, многое удалось изменить к лучшему, повысилось качество жизни ВИЧ+, у многих появилась НАДЕЖДА!

А сколько новых друзей мы обрели, а сколько было интересных встреч с интересными людьми. Мы увидели почти весь мир и во многих уголках мира знают о нас. Что, жизнь не удалась?

kuulujutte, AGA!!!

Suur kummardus Tervishoiuministeeriumile!!! Nad andsid meelega välja pressiteate, et Eestis on tõepoolest leitud esimene HIV-positiivne – kuid kes on keegi meremees Pärnu rajoonist, kes nakatus HIV-iga kaugel maal. Seeläbi õnnestus paljusid probleeme vältida. Keegi mu töökohal ei saanud midagi teada, samuti ka majas, kus ma elasin. Muidugi, mu lähedased said sellest teada, ka ma ise rääkisin sellest mõnele. Mõned nendest lõpetasid kohe minuga igasuguse suhtlemise, aga teised jälle aitasid mind sellel raskel eluperioodil psühholoogiliselt. Need sõbrad on siamaani minuga jäänud.

Juba 12 aastat elan koos oma kaaslasega, kes mind aitab. Ma ei ole üks – ma olen kellelegi vajalik.

Sel ajal andsin endale vande, et ma ei käi alla ja ei lase latti enda jaoks madalamale.

Kuidagimoodi muutus elu heledamaks, täisväärtuslikumaks, huvitavamaks, kuna tuli elada päev-päeva haaval ja iga uus päev oli nagu kingitus. Mu elu on väga teravalt jagatud eluks ENNE ja PÄRAST.

11 aastat tagasi loodi Eestis HIV-positiivsetele ja aidsihaigetele ESPO Ühendus ning selle loomisest alates olen selle president. Mida kõike pole selle aja jooksul toimunud. On olnud ka raskeid hetki – on lahkunud meie sõbrad, kuid on olnud ka palju ilusat.

ESPO Ühendus on alati olnud õlekõrreks, millest haarata kõige raskemal hetkel – positiivse analüüsivastuse saamisel. Oleme teinud palju tööd, suutnud asju paremaks teha, on tõusnud HIV-positiivsete inimeste elukvaliteet, paljudel on tekkinud LOOTUS!

Kui palju me oleme leidnud uusi sõpru, kui palju on olnud huvitavaid kohtumisi huvitavate inimestega! Oleme näinud peaaegu kogu maailma ja paljudes maailma nurkades teatakse ka meist.

Noh, kas elu on ebaõnnestunud?

KRISTEL/КРИСТЕЛЬ/KRISTEL, 22

Tomorrow is the New Year's Eve. I will be celebrating it with my friends. Still friends. I approach bus station and get engrossed by the crowd of people, hurrying and scurrying about passengers. Some of them are sitting, others standing, some are coming, others are leaving. But all of them are united by one thing – tomorrow is the New Year's Eve. Actually, a very common day, just 31st of December. But how it changes everything! It seems as if the striking of the clock would bring a new life, everything would be all right and all the problems would be solved. It seems that everything would be the way you want it to be. It will happen to others, but not me, definitely. I am not with them. It is as if I don't exist. I am here, but I do not exist. A paradox. My new life has already started. It will never be different now. I am walking by you, I am sitting next to you, I am talking to you... But many people, having found out I am HIV-positive, would not only avoid talking to me, they would even be afraid to come near me. But I am someone's friend, acquaintance and you are now with me. Though, how easy it is to destroy everything. Why is it so, people?

Now. I am in the bus. It is so beautiful behind the window – white forest, white fields, the earth so serene and peaceful. Only my life is not that peaceful. The CD-player is playing Zemfira – this is my mood. Her song "You have AIDS and that means we shall die" matches my story. And what if I don't want to die? And didn't want to? And I didn't make the choice. It was chosen for me without my consent. Today you are a healthy person and tomorrow you are infected, and no one cares about the way you got infected. No one cares if that was a game with rules. They put a stigma on you right away. If you are positive – that's your problem. There is a cross on you and your life! The society doesn't need you. Your problem, your trouble – no one cares about it. You failed yourself, then cope with it by yourself. But my sorrow wouldn't be so unbearable if only people wouldn't turning away

Завтра Новый год. Новый год я справляю с друзьями. Пока еще с друзьями. Подхожу на автовокзал и окунаюсь в толпу спешащих, торопящихся, снующих туда сюда пассажиров. Кто-то сидит, кто-то стоит, кто-то приехал, кто-то уезжает. Но их всех объединяет одно – завтра Новый Год. Какой-то, казалось бы, просто день, просто 31 декабря, но как этот день все меняет! Кажется, что после боя курантов начнется абсолютно новая жизнь, будет все хорошо, все проблемы решатся, все наладится. И пойдет так, как хочется. Но это у всех остальных, но никак не у меня. Я не со всеми. Меня как бы нет. Я есть, но меня нет. Парадокс. Моя новая жизнь уже началась. И она уже никогда не будет другой. Я иду рядом с вами, сижу рядом с вами, разговариваю с вами... Но многие, только узнав, что я ВИЧ-позитивная, даже не стали не то чтобы разговаривать со мной, а боялись подойти ко мне. Но я же чья-то подруга, знакомая и сейчас вы со мной, но как все легко разрушить. Почему так, люди?

Ну вот. Я в автобусе. За окном все так красиво – белый лес, белые поля, такая мирная земля, только в душе мира нет. Сидишник крутит Земфиру под настроение. Ее злободневное "но у тебя СПИД, а значит мы умрем". А если я не хочу умирать? И не хотела. И не делала свой выбор. Все было сделано за меня и без моего согласия. Сегодня ты здоровый человек, а завтра ты уже инфицированный, и никто не смотрит, не учитывает, каким образом ты получил свой диагноз, и была ли игра по правилам. Зато сразу стигма. Позитивный, значит все. Крест на тебе и твоей судьбе! Обществу ты не нужен. Твоя проблема, твое горе, оно никого не интересует и не трогает. Сам попался – сам выкарабкивайся. Но мое горе не было бы такой тяжелой ношей, если бы вы, люди, не отворачивались бы от меня, помогли бы мне, поддержали и приняли такой, какой я стала. И не только я, а еще много невинных жертв, которым перепала такая доля. Многие говорят, что, мол, за грехи. За какие

Homme on uus aasta. Uut aastat võtan ma vastu koos sõpradega. Eialgu veel sõpradega. Lähen bussijaama ja satun kiirustavate, ruttavate, siia-sinna sagivate reisijate keskele. Mõned istuvad, mõned seisavad, keegi saabus, keegi sõidab ära. Kuid kõiki ühendab üks – homme on uus aasta. Oleks nagu tavaline päev, ükskõik mis päev, lihtsalt 31. detsember, aga kuidas see päev kõike muudab! Tundub nagu peale kellalööke algaks täiesti uus elu, kõik läheb hästi, probleemid leivad lahenduse, kõik laabub. Ning läheb nii, nagu sa soovid. Aga see on nii ainult teistel inimestel, mitte minul. Ma ei ole koos teistega. Mind nagu polekski. Ma olen, aga mind pole. Paradoкс. Minu uus elu on juba alanud. Ning see ei muutu kunagi millekski teiseks. Ma kõnnin teie kõrval, istun teie kõrval, räägin teiega... aga paljud, teada saades, et ma olen HIV-positiivne, mitte ainult ei tahtnud minuga rääkida, vaid kartsid ka mulle läheneda. Olen siiski kellegi sõbratar, praegugi olen koos tuttavaga, kuid kui kerge on kõike hävitada. Miks nii, inimesed?

Nõnda. Olen bussis. Akna taga on kõik nii ilus – valge mets, valged põllud, nii rahumeelne maailm, ainult hinges pole rahu. Pleieris mängib meeleolu tõstmiseks Zemfira. Ta refrään "Но у тебя СПИД, а значит мы умрем" („Sul on AIDS, aga sureme mõlemad“). Aga kui ma ei taha surra? Ja ei ole tahtnudki. Mina ei ole saanud oma valikut teha. Kõik tehti ilma minuta ja ilma mu nõusolekuta. Täna oled sa terve inimene, aga homme juba nakatunud, ning mitte keegi ei vaata, ei arvesta sellega, kuidas sa selle diagnoosi said ja kas mäng toimus reeglite järgi. Selle asemel on kohe eelarvamused. Positiivne – tähendab kõik. Rist peale sulle ja su saatusele! Ühiskonnale pole sind vaja. Sinu probleem, sinu mure, see ei huvita ega puuduta kedagi. Ise sattusid supi sisse – ise rabele välja. Aga mu mure ei olekski nii raske, kui teie, inimesed, ei pööraks end minust ära, aitaksite mind, toetaksite ning võtaksite mind sellena, kel-

from me, if only they helped me, supported me and accepted what I have become. And not only I – there are so many innocent victims that have gotten into the same mischief. Many people say that this is a punishment for our sins. What sins? Who of us has not sinned? I am no different from you.

Everything is very banal. There was a girl once. Just an ordinary girl, from the ordinary, good family. There had never been problems with drugs, bad companies, and alcohol. Everything was all right, and the girl was a good student with brains, good appearances, and friendly character. And then she met him – her first boyfriend. “A drug addict”, you would think right away. Right? But no, don’t jump into conclusions. No syringes and all that stuff. The first declarations of love, first kisses, three happy years. Until someone told me he had been seen with another. Usual story? So usual I want to cry. But it is a fact and you have to live on. Drama, explanations, hard times. The terrible suspicion has crawled into the sensitive heart – what if?

There were so many articles about the sexually transmitted diseases. It all sounded like a nonsense, but it wouldn’t let up. People, if you only knew how terrifying it is to make up your mind and go to make the test. Fear of obscurity, fear to look silly and ridiculous, fear and shame to show yourself, fear to open yourself, fear to be taken for a prostitute. It was so terrifying that my hands and knees were shaking, and I couldn’t walk. And you can’t cope with the nervousness and fear whatever you try to do. But it turned out all right. No one was rude to me, no one gave me names. A very pretty woman took a sample of my blood and... That’s it.

And then the day of the results came. This shivering again and hysterical fear. And you can share it with no one. You have to keep it to yourself. It seems it was so easy to come in and hear the words: “you are all right”, or this horrifying word “yes”. Three letters that cancel your life. The barrier between the past and unknown, terrible future. My dear doctor, tell me! Come on, tell me “no”, “no”, “no”! God, how I want to hear this word! All my problems before that moment seemed now a kindergarten. How you change when it is your life that matters now.

такие грехи? Кто из нас не грешен? Я ничем не отличаюсь от вас.

Все банально. Жила-была девочка. Просто обыкновенная девочка, в самой обыкновенной семье, хорошей благополучной семье. И не знала семья никаких проблем ни с наркотиками, ни с непонятными компаниями, ни с алкоголем. Все было хорошо, и училась девочка хорошо, и умом не была обделена, и внешностью бог не обидел, и характер замечательный, все как обычно, а потом появился он – первый мальчик. Сразу подумаете наркоман, да? А вот и нет, не ищите подвоха, никаких шприцев и тому подобного. Первые признания, первый поцелуй, счастливые три года. Пока кто-то не сказал, что видел его с другой. Банально? До слез. Но факт есть факт и надо жить с этим дальше. Драма, разборки, переживания, и чуткое сердечко уже стало нашептывать, а мало ли что?

Столько всего написано статей о передающихся половым путем заболеваниях. Казалось, что все это глупости, но что-то не давало покоя. Люди, люди, если бы вы только знали, как же это страшно решиться на это и пойти сдать анализ. Страх перед неизвестностью, страх выглядеть глупо и смешно, страшно и стыдно показать себя, открыться страшно, что все решат, что ты девушка легкого поведения. Страшно было так, что пальцы не слушались и колени тряслись. Колени тряслись так, что идти нормально было тяжело. И как не пытаешься, в конце концов, взять себя в руки, не получается. Но все обошлось. Никто не грубил мне, никто не обзывался, очень милая женщина спокойно и умело взяла кровь и ... все.

А потом наступил день ответа. Снова та же дрожь, страх до слез и истерики. И не с кем поделиться, все одна и сама в себе. Казалось бы, как легко зайти и услышать слова “нет, у вас все в порядке”, а может, страшное слово “да”. Две буквы, перечеркивающие жизнь. Барьер между прошлым и неизвестным страшным будущим. Ну же дорогой врач, ну же! Ну, скажи мне нет, нет, нет! Боже, как я хочу услышать это слово! Как никогда в жизни, все проблемы и заботы до этой минуты оказались всего лишь детской игрой, глупостью. Как все понимаешь, когда на карту ставится

leks ma saanud olen. Ja mitte ainult mind, vaid ka paljusid teisi süütuid ohvreid, keda on selline koorem tabanud. Paljud ütlevad, et see on karistus pattude eest. Milliste pattude eest? Kes meist patune pole? Ma ei erine teist millegi poolest.

Kõik on banaalne. Elas kord tüdruk. Lihtsalt tavaline tüdruk, kõige tavalisemas perekonnas, kindlustatud perekonnas. Ning see perekond ei teadnud mis on probleemid narkootikumidega, halbade sõprade ja alkoholiga. Kõik oli hästi, ka õppis see tüdruk hästi, mõistust jätkus ning ka vältimuse oli jumal andnud ja iseloom oli suurepärase, kõik nagu tavaliselt, ning pärast ilmus tema – esimene poiss. Mõtlete kohe, narkomaan, jah? Aga ei, ärge otsige lõksu, mingeid süstlaid või selletaolist. Esimesed armuavaldused, esimene suudlus, kolm õnnelikku aastat. Esialgu ei öelnud keegi, et oli teda teisega näinud. Banaalne? Pisarateni. Aga fakt on fakt ja sellega on vaja edasi elada. Draama, tülid, üleelamised ja hakkasid närima kerged kahtlused, aga paljugi mis?

Kui palju on kirjutatud artikleid sugulisel teel levivatest haigustest. Tundus, et see on rumalus, kuid miski ei andnud rahu. Inimesed, inimesed, kui te vaid teaksite, kui õudne on seda otsustada ja minna analüüsi tegema. Hirm teadmatuse ees, hirm paista rumal ja naeruväärne, hirm ennast näidata – nagu kõik arvasid, et oled kergete elukommetega neiu. Põlved olid nõrgad, nii et käia oli raske. Ning kuidas ka ei püüaks, ennast tugevaks sundida lõppude lõpuks ei õnnestu. Aga kõik möödus lihtsalt. Keegi ei solvanud mind, keegi ei mõnitanud, väga armas naisterahvas võttis rahulikult ja asjatundlikult verd ja... Kõik.

Aga pärast saabus vastuse teadasaamise päev. Jälle seesama värin, hirm peaaegu pisarate ja hüsteerikani. Ning pole seda kellegagi jagada, kõik üksi ja iseendas. Võiks tunduda, et nii kerge on minna ja kuulda „ei, teil on kõik korras“, aga võib-olla hirmus sõna „jah“. Kolm tähte, mis elu läbi kriipsutavad. Barjäär mineviku ning tundmatu ja hirmsa tuleviku vahel. No palun, kallid arst, no palun! Palun üttele mulle ei, ei, ei! Jumal, kuidas ma tahan seda sõna kuulda! Nagu mitte kunagi varem, kõik probleemid ja mured kuni selle minutini tundusid kõigest lapsemängu, rumalusena. Kuidas sa mõistad kõike, kui panuseks on elu, sinu elu.

„Tulge sisse, istuge palun, pean teiega rääkima“.

“Please, come in and sit down. I need to talk to you.” THAT’S IT! God, that is it! I don’t remember what was happening next. A total oblivion. The defense mechanism. The only thought – to die. I will do that, I am able, I am strong. I will take pills and never wake up. It is easy, my God, it is so easy! No suffering, no sorrow and humiliation. How easy it is. But only one phrase prevented me from doing so. I can have healthy children! Now, I have a reason to live? Why not?

Now I understand that all is in the past. I am not afraid of “yes” word anymore. I know my diagnosis and I have nothing to fear now. I am studying, I am working, I am living too! I know for 100%, even 200%, that so much awaits me ahead.! My family, my son, my daughter, and my spring are in the future. People, my dear people, I am just like you. I am a human being! I want to live! To love! To have healthy children! I am not an animal, not an outcast. I am your daughter or son, your sister, friend, classmate, group-mate, mother or father, husband or wife. You don’t allow me to open myself and live in peace, without this wild fear. I don’t want to live like a hunted animal. You are afraid of me, you hate me, you turn away from me. But why? It is not only my problem, it is a problem of all human kind. But I already know my diagnosis. Do you know yours?

People, I feel bad without you, without your compassion and help, I suffer because of your misunderstanding. I am so tired of loneliness and life of an outcast. I want to live with you, don’t banish me, don’t put a cross on me, and don’t bury me alive. I am the part of this world like you are.

Oh, right – the New Year’s Eve. If God is merciful he gives me health, harmony, family happiness and your understanding. And if we are together then we will succeed and in some twenty years humanity will forget this dreadful diagnosis – **YOU ARE HIV-POSITIVE.**

жизнь, твоя жизнь.

“Пройдите, садитесь, мне нужно с вами поговорить”. ВСЕ! Боже, это все. Что было дальше я не помню, все стерлось из памяти, защитная реакция. Единственная мысль – умереть. Я сделаю это, я смогу, я сильная. Таблетки, усну и больше не проснусь. Легко, БОЖЕ, как все легко! И никаких мук, никаких страданий и унижений. Как же все легко. Но одна единственная фраза остановила. Я могу иметь здоровых детей! Все-таки, какая-то цель и смысл жизни есть? Хм, а почему нет?

Теперь я только понимаю, что это все позади. Я больше не боюсь слова ДА, я знаю свой диагноз и мне нечего бояться. Я учусь, я работаю, я живу, в конце концов! И я знаю на 100, нет даже на 200 процентов, что у меня все еще впереди! И семья, и сын, и дочь и моя весна только наступает.

Люди, дорогие мои люди, я такая же, как и вы. Я человек! Я хочу жить! Любить! Иметь здоровых детей! Я не зверь, я не урод. Я – ваша дочь или сын, сестра, подруга, одноклассница, однокурсница, мать или отец, муж или жена. Вы не даете мне возможность открыться и жить спокойно, без дикого страха быть открытой. Я не хочу жить как загнанный зверь. Вы боитесь меня, вы ненавидите меня, вы отворачиваетесь от меня, но за что? Это уже не только моя беда, это беда уже всего человечества, но я уже знаю свой диагноз, а знаете ли его вы?

Люди, мне плохо без вас, я очень страдаю от вашего непонимания, без вашего сочувствия и помощи. Я так устала от одиночества и отверженности. Но я хочу жить с вами, не прогоняйте меня, не ставьте на мне крест и не хороните меня заживо. Я такая же частичка мира, как и вы.

Ах да, Новый год. Даст бог, и мне он принесет здоровье, душевного спокойствия, семейного счастья и вашего понимания. А если мы вместе, то у нас все получится и через пару десятков лет человечество просто забудет страшный диагноз - **Вы ВИЧ-ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ.**

KÕIK! Jumal, see on kõik. Mis edasi sai, ma ei mäleta, kõik kustus mälust, kaitsereaktsioon. Ainus mõte – surra. Ma teen seda, ma suudan, ma olen tugev. Tabletid, uinun ja ei ärka enam. Kerge, JUMAL, kui kerge see on! Ning ei mingeid piinu, ei mingeid kannatusi ja alandusi. Kui lihtne kõik on. Kuid üks ainus fraas peatas mind. Ma võin saada terveid lapsi. Siiski on elul mingi eesmärk ja mõte? Hm, aga miks mitte?

Taipan alles nüüd, et kõik see on möödas. Ma ei karda rohkem sõna JAH, ma tean oma diagnoosi ning mul ei ole midagi karta. Lõppude lõpuks ma õpin, ma töötan, ma elan. Ning ma tean 100, ei, isegi 200 protsenti, et mul on kõik veel ees! Nii perekond, poeg, kui tütar ja minu kevad on alles algamas.

Inimesed, mu kallid inimesed, ma olen samasugune nagu teie. Ma olen inimene! Ma tahan elada! Armastada! Saada terveid lapsi! Ma ei ole metsloom, ma ei ole värdjas. Ma olen teie poeg või tütar, õde, sõbratar, klassiõde, kursuseõde, ema või isa, mees või naine. Te ei anna mulle võimalust ennast avada ja rahus elada, ilma metsiku hirmuta olla avameelne. Ma ei taha elada nagu tagaetud metsloom. Te kardate mind, ei sallid mind, te pöördute minust ära, aga mille pärast? See ei ole juba ainult minu häda, see on kogu inimkonna häda, aga mina juba olen oma diagnoos, kuid kas teie ka seda teate?

Inimesed, mul on ilma teieta halb, ma kannatan väga teie mõistmatuse pärast, ilma teie kaastunde ja abita. Ma olen üksindusest ja ärapöördumistest nii väsinud. Kuid ma tahan elada koos teiega, ärge tõugake mind ära, ärge tõmmake mulle risti peale ja ärge matke mind elavalt. Ma olen samasugune osake maailmast, nagu teiegi.

Ah jaa, uus aasta. Annaks jumal, et ta tooks mulle tervist, hingerahu ja perekonnaõnne ja teie mõistmist. Aga kui me oleme koos, õnnestub meil kõik ja paarikümne aasta pärast inimkond lihtsalt unustab hirmsa diagnoosi – **TE OLETE HIV-POSITIIVNE.**

EERO/ЭЭРО/EERO, 45

I will start the description of a period in my life with a beautiful spring morning when I was standing outside the Hospital of Infectious Diseases in Hiiu, waiting for the syphilis test results of my girlfriend at that time, Kersti...

When she came out, her face was all pale and serious; she lighted a cigarette and told me to stay calm. They had given her my test results as well, and I was shocked – in addition to syphilis I was also HIV-positive. Hearing this I almost fainted and my thoughts rushed to death instantly, because by spring 1999 all I had heard about AIDS were the deaths of Freddie Mercury and African natives. Kersti begged me not to storm into an alcohol shop, as they had also given me a transmittal letter to Merimetsa Hospital. When the doctor (Dr Raukas) started to ask me all sorts of stupid questions there, I became even more agitated. She made it look as if I was a homosexual and a drug addict, and didn't believe I was 99% hetero. With this the row of all kinds of tests and analysis began – and also my spiral downfall.

At that time I was 29 years old, living in a 1-bedroom apartment with Kersti, who was 8 years my senior. It was also my fifth year as a trolleybus driver. As I had had my fling with 200 women already in the past, a serious relationship fit me well. As I have never used condoms or 'eaten sweets in wrappers', I couldn't figure out who had given me such a 'gift'. As Kersti and I often fought over her fondness of alcohol, I had cheated on her once with a girl who probably had syphilis – that was the reason I went to get tested in the first place. But many years ago a beauty from Poland confessed to me she had AIDS, which at that time seemed nonsense – this couldn't happen to us, Estonians! Thus I'm not sure whether my sickness goes back 6 or 10 years.

In general I have a strong willpower, but I get easily agitated and become emotional. I started drinking and taking sick-leaves, as life had no meaning for me anymore. I turned for support to my mother, sister and friends, but the latter took the information of my sickness to my workplace.

Начну описание одного из своих жизненных этапов с того, как я стоял прекрасным весенним утром перед Хийуской инфекционной больницей и ждал свою тогдашнюю сожительницу с ответом по тесту на сифилис, однако...

Она вышла с бледным и серьезным лицом, зажгла сигарету и попросила меня сохранять спокойствие. Ей дали мои результаты, которые оказались шокирующими: вдобавок к сифилису у меня был ВИЧ-положительный результат. Я едва не упал в обморок и тут же возникла мысль о смерти, потому что к весне 1999-го я слышал только о смерти от СПИДа Фредди Меркьюри и африканцев. Керсти отговорила меня тут же пойти в алкогольный магазин, так как была выдана повестка в больницу Мериметса. Когда доктор задавал мне нелепые вопросы, у меня взвинтились нервы ещё больше. В частности, он приписывал мне гомосексуализм и наркотическую зависимость, не веря, что я на 99% гетеросексуалист. Начались обследования, анализы и моя "наклонная спираль".

Я тогда работал пятый год водителем троллейбуса, мне было 29 лет и я жил в однокомнатной квартире в Ласнамяэ с Керсти, которая была на восемь лет старше меня. Поскольку к тому времени я "перебесился", переспав с 200 женщинами, меня устраивали постоянные отношения. Поскольку я никогда не использовал презервативов и не глотал таблетки с бумагой, я не мог с большой долей уверенности подозревать, от кого я получил такой "подарок". Так как я часто вздорил с Керсти по поводу её пристрастия к алкоголю, я однажды изменил ей с девушкой, которая возможно была заражена сифилисом, при обнаружении которого я и пошёл на обследование. Хотя много лет назад одна работающая в Польше красавица призналась, что у неё СПИД, мне это показалось бессмыслицей – у нас, эстонцев, такого быть не может. Так что не знаю, давно ли я заражён – 6 или 10 лет назад.

Обычно я волевой, но легко возбудимый и подверженный эмоциям человек. Начал пить и сидеть на больничном, так как в жизни больше не было смысла. Искал поддержки у матери, у сестры, у друзей, но

Alustan oma ühe eluetapi kirjeldamist sellest, kui seisin ilusal kevadhommikul Hiiu nakkushaigla ees ja ootasin oma tollase elukaaslase Kersti süüfilise testi vastust, kuid...

Ta väljus kahvatu ja tõsise näoga, süütas sigareti ja palus mul rahu säilitada. Tema kätte anti minu vastus, mis oli šokeeriv – nimelt lisaks süüfilisele oli mul HIV-positiivne vastus. Pidin minesutama ja mõtted olid kohe peatse surma juures, sest 1999. aasta kevadeks olin ma kuulnud vaid Freddie Mercury ja aafriklaste surmast läbi AID-Si. Kersti keelitas mind mitte kohe viinapoodi minna, sest anti saatekiri Merimetsa haiglasse. Kui doktor (Raukas) mulle tobedaid küsimusi esitas, läksin veel rohkem närvi. Nimelt hakkas ta mulle homoseksuaalsust ja narkomaaniat pähe määrima ja ei uskunud, et olen 99 % hetero. Algasid uuringud, analüüsid ja minu allakäiguspiiraal.

Töötasin tollal viiendat aastat trollijuhina, olin 29-aastane ja elasin 8 aastat vanema Kerstiga Lasnamäel ühetoalises korteris. Kuna olin selleks ajaks sarved maha jooksnud 200 erineva naisega magades, sobis mulle püsisuhe. Kuna ma pole iial kondoomi kasutanud ja paberiga komme söönud, ei osanud ma algselt kahtlustada, kellelt ma selle kingituse sain. Kuna tülitseisin Kerstiga tihti tema alkoholilembuse pärast, olin ühe korra teda petnud tüdrukuga, kes arvatavasti oli süüfilises, mille ilmnedes ma üldse kontrolli läksingi. Kuid palju aastaid tagasi tunnistas üks Poolas töötav iludus, et tal on AIDS, mis mulle tundus totrusena – ei saa ju meil eestlastel seda juhtuda. Seega ei tea, kas olen haige 6 või 10 aastat.

Olen üldiselt tahtejõuline, kuid kergesti ärrituv ja emotsioonidele alluv. Hakkasin jooma ja haiguslehtedel istuma, kuna elul polnud enam mõtet. Otsisin tuge emalt, õelt, sõpradelt, kuid viimaste kaudu imbus info töökohani. Kuna tol ajal polnud erilist teavet selle haiguse levimise kohta, siis keelduti minu trolli remontimast ja sellega sõitmast. Püüdsin kummutada

As information about AIDS at that time was hard to reach, they refused to repair and even ride my trolleybus. I tried to convince people I had anaemia, but in the end I had to quit my job in 2000. As I got some treatment, there was hope for extending my life. I took some courses and started to look for a new job that would suit me, but my Soviet-time English was poor and so were my computer skills. And there was no money to go to school.

Once when I was depressed I found the number of the AIDS Prevention Centre – I called them and was given an address. Suddenly I saw I wasn't alone in my troubles. The guys at the ESPO helped me enormously – I found out AIDS won't kill you if you care for yourself. We have one person who has had AIDS for 16 years now and he has a good life, he is working, knows how to help and love others.

I am alive right now and hope to find a good job for myself. It isn't easy as I can't talk about my illness, and also my strength is not as it used to be. I will wait and hope that ESPO continues to help people who have an appetite for life and the will to help themselves – and not start to drink and turn to drugs.

I am one of the few who has AIDS and is together with a woman who cares for me. My ex-girlfriend turned more to alcohol and died of having caught a cold in the winter of 2002. I wish to draw attention of the doctors to the fact that they cannot ignore a traumatized patient who is HIV-positive. When I was in General Hospital I was placed in the section for the dying patients – visitors and using the toilet were forbidden to me. In addition I wasn't allowed to keep my fresh food products in the refrigerator.

Appreciative of the information by all in ESPO I respect Nelli Kalikova and Vjatcheslav Vassilyev the most, I will proceed to follow their example and intelligence in the future.

через них информация просочилась на работу. Поскольку тогда не было особых сведений о распространении этой болезни, мне запретили ремонтировать и водить троллейбус. Я пытался это оспорить, заявив, что у меня только малокровие, но всё-таки ушёл с работы в 2000-м году. Так как я уже получил кое-какое лечение, у меня была малая надежда продлить жизнь. Ходил на курсы, искал новую хорошую работу, которую не получил из-за школьного аттестата, слабого знания английского языка и компьютера. А денег на обучение не было.

Однажды, пребывая в подавленном состоянии, я отыскал номер Центра профилактики СПИДа (AIDSi Ennetuskeskus), позвонил и мне дали адрес, куда прийти. И вдруг, я увидел, что не одинок в своей беде. Ребята из ESPO психологически помогли мне, убедив, что ВИЧ не убивает, если хотя бы немного заботишься о себе. У нас есть представитель этой болезни, заражённый целых 16 лет назад, прекрасно живёт и работает, умеет любить и помогать другим.

Сейчас я жив и надеюсь, что получу хорошую работу. Это не легко, так как о своём заболевании нельзя говорить ни с кем, да и силы убавились. Буду ждать и надеяться, что в ESPO и в дальнейшем будут люди, в которых есть тяга к жизни и желание помочь самому себе, а не пить или принимать наркотики.

Я один из немногих заражённых, кто живёт с заботящейся женщиной. Прошлая жена начала пить и умерла от обморожения зимой 2002-го. Хочу обратить внимание врачей на то, что не стоит игнорировать в случае травмы ВИЧ-позитивного человека. В моём случае в Центральной больнице врачи положили меня в палату смертников, запретили посещения и туалет. Нельзя было даже класть в холодильник свежие продукты.

Сказанное здесь основано на собственных знаниях и информации, полученной из ESPO, где я более всего уважаю Нелли Каликову и Вячеслава Васильева, которые и впредь пример интеллигентности и чуткости для меня.

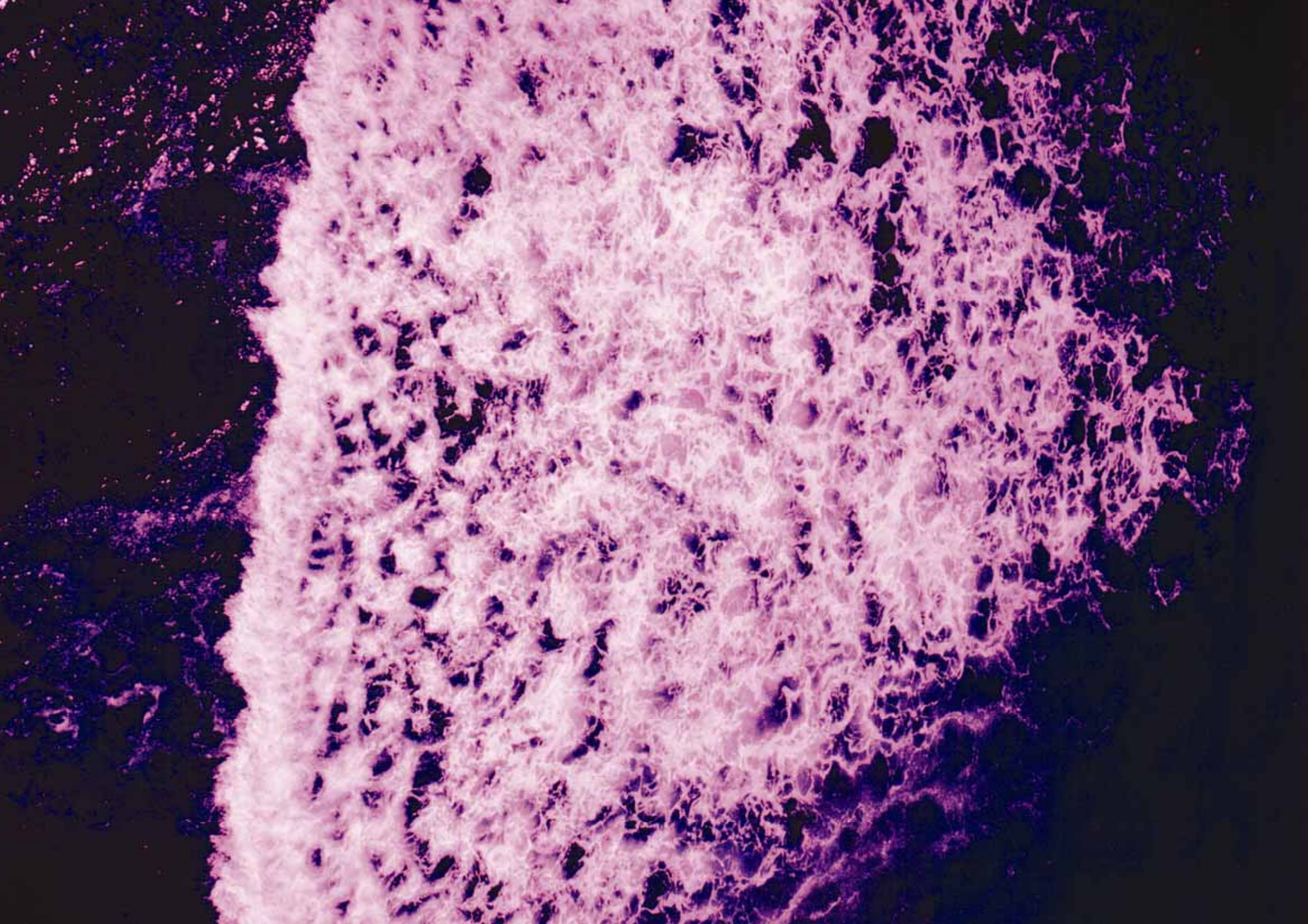
eelarvamusi ja kinnitasin, et mul on ainult kehvveresus, kuid siiski lahkusin töölt 2000. aastal. Kuna sain juba mingit ravi, siis oli väike lootus veel elu pikendada. Käisin kursustel, otsisin head uut tööd, mida ei saanud tänu vene aja kooli puudulikule inglise keele ja arvutioskusele. Raha aga õppimiseks ei olnud.

Ükskord masenduses olles leidsin AIDSi Ennetuskeskuse numbri, helistasin ja mulle anti aadress, kuhu minna. Järsku nägin, et ma polegi üks oma hädas. ESPO poisid aitasid mind psühholoogiliselt, kusjuures HIV ei tapa, kui ise vähegi endast hoolid. Meil on 16 aastat selle haiguse esindaja, elab hästi ja teeb tööd, oskab teisi aidata ja armastada.

Olen praegu elus ja loodan, et saaks endale hea töö. See ei ole kerge, kuna oma haigusest ei tohi kellelegi rääkida ja eks jõud on kah väheseks jäänud. Jään ootama ja lootma, et ESPO toetab ka edaspidi inimesi, kellel on eluisu ja tahtmine ise ennast aidata, mitte jooma ja tarbima narkootikume.

Olen väheseid, kes elab selle haigusega naisega, kes minust hoolib. Endine naine hakkas jooma ja suri külmumise tõttu 2002. aasta talvel. Tahan suunata ka arstide tähelepanu sellele, et ei maksa ignoreerida trauma puhul inimest, kellel on HIV+. Minu puhul Keskaiglas arstid panid mind surijate palatisse, keelasid külastused ja peldikus käimise. Lisaks ei tohtinud värskeid toiduaineid isegi külmkappi panna.

Olen infot saanud ESPO-st, kelle personalist eriti austan Nelli Kalikovat ja Vjatšeslav Vassiljevit ning edaspidi järgin nende nõuan-deid. Nad on mulle intelligentsete arstide eeskujuks.

ALLA/АЛЛА/АЛЛА, 30

I am HIV-positive woman. I found out that I had HIV many years ago. At the time I was living in Moscow and studying in the university. I remember it as if it was yesterday. I am 20 years old, I am approaching the door of the doctor in the venereal prophylactic center and I hear her speaking loudly on the phone.

We have discovered one HIV-positive here. She doesn't know about it yet. I made an appointment with her at 9, and it is 10 minutes past nine already. We might need a help of militia to find her. These words pierce me like a lightning. I understand they are talking about me, but I don't want to believe it. I thrust open the door and enter the room. The doctor quickly hangs up the receiver and leaps up as if she has been stung:

Sit down, please. We have to tell you something. There are posters on the walls: in small font – gonorrhoea, syphilis, and in large font, black on red background – AIDS. I sit down, sink into the armchair and close my eyes.

- Please, don't worry. We have to tell you that you have positive results in HIV test. It doesn't mean that you are sick. You still can live for quite long. Now we will send you to hospital, where the state of your health will be examined more thoroughly.

- Right now?

- Yes.

- How long will it take?

- We can't say.

- I don't want to go to hospital now. I am studying in the university, I don't want to skip classes.

- No. You must be in hospital. This is a rule here. It is compulsory for everyone. We should wait for the car now. It will take you there.

I go out into the corridor and here again I see the posters: gonorrhoea, syphilis, and AIDS. I am waiting for half an hour, but no one calls for me. It seems that they have forgotten about me. I am afraid. I don't want to go to hospital. There is no one in the corridor, it is deserted. I come down to the cloakroom, I take my coat, and, putting it on as I walk, I move quickly towards the exit. Soon, I

Я - ВИЧ-позитивная женщина. Я узнала о том, что у меня ВИЧ, много лет назад. Тогда я жила в Москве и была студенткой московского вуза. Помню это как вчера. Мне 20 лет, я подхожу к двери врача в венерическом диспансере и слышу, как она громко разговаривает по телефону:

- У нас тут выявлена одна ВИЧ-положительная, она еще ничего об этом не знает, я назначила ей придти в 9.00, уже 10 минут десятого, придется, наверное, искать с милицией.

Эти слова пронзают меня как молния, я понимаю, что речь идет обо мне, хотя верить не хочется. Я распахиваю дверь и вхожу в кабинет, врач бросает трубку и вскакивает как ужаленная:

- Садитесь, мы должны Вам кое-что сообщить.

На стенах плакаты: мелкими буквами – гонорея, сифилис, и крупными, черными на красном фоне – СПИД. Я сажусь в кресло и закрываю глаза.

- Вы только не волнуйтесь, мы должны сказать вам, что у вас положительный ответ на ВИЧ. Это не значит, что вы больны, вы еще можете прожить долго. Сейчас мы отправим вас в больницу, где состояние вашего здоровья будет обследовано подробнее.

- Прямо сейчас?

- Да.

- И на какое время?

- Мы точно не знаем.

- Я не хочу сейчас идти в больницу, я учусь в институте и не хочу пропускать занятия.

- Нет! вы должны лечь в больницу, у нас такой порядок. Это обязательно для всех. Сейчас за вами придет машина, отвезет вас.

Я выхожу в коридор и снова перед глазами плакаты: гонорея, сифилис и СПИД. Я сижу долго, около получаса, никто не зовет меня. Кажется, про меня забыли.

Страшно. Мне совсем не хочется в больницу. В коридоре пусто, никого нет. Я иду в раздевалку, беру пальто, и надевая его на ходу, быстро двигаюсь к выходу. Вскоре я уже бегу по улице, оглядываюсь, но никто не гонится за мной, слава богу. Я знаю, мой побег может закончиться плохо, меня все равно отправят в больницу, только на этот раз с милицией. Огромный город – многомиллионная Москва, большие магазины, толпы народа, ресто-

Mina olen HIV-positiivne naine. Sain teada, et mul on HIV, palju aastaid tagasi. Siis elasin Moskvas ning olin Moskva Ülikooli tudeng. Mäletan seda nagu kõik oleks eile. Olen 20-aastane, tulen arsti ukse poole nakkusdispanseris ja kuulen, kuidas tema jutustab telefoni teel:

- Meil on siin üks HIV-positiivne, kes ei tea veel sellest midagi, ma andsin talle kutse kella 9.00-ks, on juba 9.10, tuleb ilmselt miilitsaga otsida.

Need sõnad rabsid mind väggu, saan aru, et jutt käib minu kohta, kuigi ei taha uskuda. Lõõn ukse lahti ja astun kabinetis, arst viskab toru käest ning hüppab üles nagu nõelatud:

-Istuge, me peame teile teatama midagi. Seintel on plakatid: pisikeste tähtedega - gonorröa, süüfilis ja suurte mustade tähtedega punasel taustal - AIDS. Istun tugitooli ja sulgen silmi.

-Ärge ainult erutage, me peame teile ütleva, et teil on positiivne vastus HIVi peale. See tähendab, et olete haige, te võite veel kaua elada. Praegu me saadame teid haiglasse, kus teie tervise seisundit uuritakse detailsemalt.

-Kas kohe praegu?

-Jaa.

-Kui kauaks?

-Meie täpselt ei tea.

-Ma ei taha praegu minna haiglasse, ma õpin ülikoolis ning ei taha loengutel puududa.

-Ei! Te peate haiglasse minema, meil on selline kord. See on kõigile kohustuslik. Kohe tuleb auto, viib teid ära.

Lähem välja koridori, silmade ees jälle plakatid: gonorröa, süüfilis ja AIDS. Istun kaua, umbes pool tundi, keegi mind ei kutsu. Tundub, et mind unustati maha. Hirmus on. Ma ei taha hirmsasti haiglasse minna. Koridor on tühi, kedagi ei ole. Lähem riidehoiuse, võtan palitu ning, käigu pealt pannes seda selga, liigun kiiresti väljapääsu poole. Jooksen juba mööda tänavat, vaadates ringi, aga keegi ei jälita mind, Jumal tänatud. Ma tean, et mu põgenemine võib halvasti lõppeda, mind nagu nii saadetakse haiglasse, seekord miilitsa seltsis. Tohutult suur linn - mitmemiljoniline Moskva, suured

am running down the street. I look back, but no one is following me, thanks God. I know that my escape might turn bad for me, that they would send me to hospital anyway, but this time with the help of militia. The huge city – multimillion Moscow, big stores, crowds of people, restaurants, art galleries. I have just bought nice red high-heeled shoes, a new handbag and a velvet берет. Now it is all in the past. I have been moving towards this event, without suspecting anything, light-heartedly and easily. For me, a young girl from the provincial teachers' family, it was very hard to assume that I, like millions of people in the whole world, would not avoid this disease of the century, and that my day-dreaming would cease forever. That I would never make my career, that I would die very young, that very soon I would feel the scorn of the people in full. I am running to my boyfriend Edic. I must tell him the news. We have been lovers lately, does that mean he is infected too? Maybe. Then I wouldn't feel that lonely. We will be together – two of us. Then nothing is that terrifying. I love him, and if he loves me I am not afraid of neither the disease nor death. I am running. I must be looking very strange, for people are looking back at me. I am running away from this frightful hospital, from these dreadful doctors in white smocks, I am running to my love who would probably save me. Probably...

That's how it was. I didn't know yet that my hope would be dissipated like a smoke. I didn't know that Edic was all right, that I hadn't infected him, and that he would push me away like all the rest would do, including my mother. When she learned I was HIV-positive she told me she didn't want to live with me, because she was afraid for her reputation. I didn't know what a terrible hell was expecting me on Earth. I was naive, I believed in people. How I believed in them!

I was lucky, when in hospital (despite everything, I still got in) I met one HIV-positive man from Estonia, and we got married. I moved to Estonia. In two years Estonia became an independent country, I got Estonian citizenship, and this country became very dear to me. And this is a different story already. I should keep it for the next time.

(passed away in 2002).

раны, картинные галереи. Я купила себе недавно красивые туфли на каблуках, новую сумочку и бархатный берет. Теперь все это в прошлом. Я двигалась к этому событию, ничего не подозревая, бесшумно и легко. Мне, девушке из провинциальной учительской семьи, трудно было предположить, что и мне, как и миллионам людей во всем мире, не удастся избежать этой болезни века, и что моим розовым мечтам очень скоро придется уйти навсегда. Что не будет у меня карьеры, что умру я совсем молодой, что вскоре мне в полной мере удастся почувствовать презрение людей ко мне. Но все-таки бегу и чувствую радость от этого. Я бегу к моему другу Эдику, я непременно должна сообщить ему эту новость. Ведь мы были в последнее время любовниками, значит, он тоже болен? Может быть. Тогда я не буду чувствовать себя такой одинокой, мы будем вдвоем. Тогда ничего не страшно. Я люблю его, и если он любит меня, я не боюсь ни болезни, ни смерти. Я бегу. У меня, наверное, странный вид, потому что люди оглядываются на меня. Я бегу от этой страшной больницы, от этих кошмарных врачей в белых халатах, я бегу к моей любви, которая, наверное, спасет меня. Наверное...

Вот так это все было. Я еще не знала, что моя надежда развеется как дым. Не знала, что Эдик здоров, что он не заразился от меня, и что он оттолкнет меня так же, как и большинство моих знакомых, в том числе и моя мать. Когда она узнала, что я ВИЧ-позитивная, сказала, что не хочет жить со мной вместе, так как опасается за свою репутацию. Я не знала, какой теперь ад ожидает меня на этой земле. Я была наивной, я верила в людей. Как я верила в людей!

Мне очень повезло, когда в больнице (туда я все-таки попала) я познакомилась с ВИЧ-инфицированным мужчиной из Эстонии, и мы поженились. Я уехала в Эстонию. Через 2 года Эстония стала независимым государством, я получила эстонское гражданство, эта страна стала для меня родной. И это совсем другая история. О ней в следующий раз.

(ушла от нас в 2002 году в мир иной)

kauplused, inimmeri, restoranid, pildigaleriid... Otsin endale hiljuti ilusad kõrgete kotsadega kingad, uue koti ja sametbareti. Nüüd on kõik minevikus. Ma liikusin selle sündmuse poole midagi aimamata, muretult ja kergelt. Mulle, kolkalikust õpetajate perest pärit tütarlapsel, oli raske oletada, et mina, nagu ka miljonid inimesed kogu maailmas, ei saa sellest sajan-di haigusest mööda, ja et mu roosadele unistustele on määratud varsti kaduda igavikku. Et mul ei tule karjääri, et suren noorelt, et varsti saan täiega tunda inimeste põlgust minu suhtes. Aga ikkagi jooksen ja tunnen sellest rõõmu. Ma jooksen oma sõbra Eediku juurde, sest pean tingimata teatama talle sellest uudisest. Olime ju viimati armukesed, järelikult on ka tema haige? Võib-olla. Siis ma ei hakka ennast nii üksikuna tundma, saame olla koos. Siis mind ei hirmuta mitte midagi. Ma armastan teda, ja kui tema armastab mind, ma ei karda ei haigust ega surma. Ma jooksen. Mul on arvatavasti imelik ilme, sest inimesed vaatavad mulle otsa. Ma jooksen sellest hirmsast haiglast eemale, nendes painajalikes valgetes kitlites arstide eest, jooksen oma armastuse poole, mis, võib-olla, päästab mu. Võib-olla...

Vaat nii see kõik oligi. Mina ei teadnud veel, et mu lootus haihtub nagu suits. Ei teadnud, et Eduard on terve, et ta ei ole nakatunud minust ja et ta jätab mu maha, nagu enamik mu tuttavatest, sealhulgas mu ema. Kui ema sai teada, et olen HIV-positiivne, ütles ta, et ei taha minuga elada, sest kardab oma reputatsiooni pärast. Mina veel ei teadnud, milline põrgu maa peal ootab mind ees. Olin naiivne, usaldas inimesi. Kuidas veel usaldas inimesi!

Mul väga vedas, kui haiglas (kuhu ma ikkagi sain) tutvusin HIV-tõbisega mehega Eestist, ning meie abiellusime. Kolisime Eestisse. Kahe aasta pärast sai Eesti sõltumatuks riigiks, mina sain Eesti kodakondsuse, see maa sai mulle kodumaaks. Aga see on juba hoopis teine lugu. Sellest - teine kord.

(lahkus meie seast 2002 aastal)

DENIS/ДЕНИС/DENIS, 22

Hello everybody! My name is Denis. I am 22 years old. I was born and grew up in Rakvere, Estonia. I come from a respectful family. My mother is a doctor and my father is a railway man. I was a good child too, dreaming to become a doctor, like my mother, when I grow up. I wanted to save other people's lives and had even started my studies.

But then I faced the problems in my life. I got into a bad company, leading a life of these people. I thought it was exciting, I thought I could do anything I wanted and no one would tell me a word – don't do that, don't take this – because I had elder guys backing me up. In case I needed their help they would be there for me. One night when we had an outing we committed burglary. Then there was a trial and then prison.

I will never forget the wave of fear that gushed over me when I was entering the prison gates. Only then did I realize that my journey had ceased. I was placed into the quarantine cell as a newcomer, where I was supposed to spend a week. The time hung heavy on my hands. There were 8 people in this cell, all my age – I was 15 at the time. After a week I was transferred into the general cell with 6 inmates. When the night came I realized what a terrible place I had gotten into – my cell-mates bit me up and then raped. I begged them not to do it with me, but all my tears were in vain. Before all that happened to me I had never had a sexual experience. It was the first time in my life that I felt this humiliation and pain. I was ready to kill myself only to make all that stop. My actions were not taken seriously. Afterwards these rapes were often repeated. I became a "lady".

I was sentenced for 6 months. When I came out of prison and returned home I realized that I had no one but my mother and grandmother, and no one needed me and there was no one to help and support me. Back at prison I got acquainted with a fellow from Tallinn, for whom sex with men was a usual practice. Even in prison he didn't conceal that he liked men and that he was a gay. He told me that before he had gotten into the prison he

Привет всем, меня зовут Денис! Мне 22 года. Я родился и вырос в Эстонии, в городе Раквере. Я из хорошей семьи. Мама – врач, отец – железнодорожник. Сам я тоже был неплохим ребенком. С детства я мечтал стать врачом, как моя мама. Я хотел спасти жизни людям и даже пошел учиться.

Но тут в моей жизни начались проблемы. Я попал в дурную компанию, вел такой же образ жизни, как и они, думал, что это клево, я могу делать то, что хочу и никто не скажет, что это нелзя, это не тронь, ведь за моей спиной старшие ребята – если что, они помогут. Получилось так, что в одну мою гулянку в ночное время суток я и мои друзья совершили кражу. Затем суд, тюрьма.

Я никогда не забуду, сколько я испытал страха, когда входил в ворота тюрьмы. И только тогда я осознал, что мои путешествия на этом закончились. Как новичка меня поместили в камеру с режимом карантина, где я должен был сидеть неделю. Время тянулось так долго. Нас было 8 человек, все моего возраста, а мне на тот момент стукнуло 15 лет. Спустя неделю меня перевели в общую камеру на 6 человек. Спустя сутки, я понял, в какое страшное место я попал – мои сокамерники избили меня, а затем изнасиловали. Я умолял их не делать этого, но все мои просьбы были четны. До этого момента у меня не было секса между подростками. Я впервые в жизни испытал такое унижение и боль, был готов убить себя, лишь бы это все прекратилось. Мои действия не были восприняты всерьез. В последствии такие изнасилования повторялись неоднократно. Я стал девочкой.

Осужден я был на 6 месяцев, выйдя из тюрьмы и приехав домой, я понял, что кроме мамы и бабушки я никому не нужен и мне неоткуда ждать поддержку и помощь. Еще в тюрьме я познакомился с таллиннским мальчишкой, у которого секс с мужчинами был обычным делом. Он и в тюрьме не скрывал, что ему нравятся мужчины и что он гей. Он рассказал мне, что будучи на воле, работал мальчиком по вызову и на этом зарабатывал

Tere kõigile, minu nimi on Deniss!
Olen 22 aastane. Sündisin ja kasvasin Eestis, Rakveres. Olen heast perekonnast. Ema on arst ja isa raudteelane. Ka ma ise polnud paha poiss. Lapse- na tahtsin saada arstiks nagu mu ema. Ma tahtsin inimelusid päästa ja läksin isegi meditsiini õppima.

Kuid siis algasid mu elus probleemid. Sattusin halba seltskonda, elasin samamoodi kui nemad, arvasin, et see on mõnna, võin teha mida tahan, ning mitte keegi ei ütle, ei tohi, ära puutu, kuna mu selja taga olid ju vanemad kutid, kes seisavad mu eest – kui midagi juhtub, nemad aitavad. Juhtus nii, et ühe öise pidutsemise käigus panin koos sõpradega toime varguse. Seejärel kohus, vangla.

Ma ei unusta kunagi, millist hirmu ma vanglavä- ravatest sisenedes tundsin. Ja alles siis ma tead- vustasin, et sellega on mu teekond lõppenud. Uus- tulnukana pandi mind karantiinirežiimiga kambrisse, kus ma pidin istuma nädala. Aeg venis pikalt. Meid oli 8 inimest, kõik minuvanused, ning ma olin just saanud 15-aastaseks. Nädala möödudes viidi mind üle 6-inimese üldkambrisse. Ööpäeva möödudes mõistsin, kui hirmsasse kohta ma olin sattunud. Mu kambrikaaslased peksid mind ja seejärel vägista- sid. Anusin neid, et nad ei teeks seda, kuid kõik mu palved olid asjatud. Kuni selle hetkeni polnud mul olnud seksi teiste noorukitega. Esimest korda elus kogesin sellist alandust ja valu, olin valmis end tap- ma, et see ainult lõppeks. Mu püüdlusi ei võetud tõsiselt. Sellele vaatamata taolised vägistamised kordusid. Minust sai tüdruk.

Mu karistusaeg oli kuus kuud, vanglast välja saades ja koju saabudes mõistsin, et peale ema ja vanaema pole ma kellelegi vajalik ning mul pole kuskilt oodata toetust ja abi. Juba vanglas tutvusin Tallinna poisiga, kelle jaoks meestevaheline seks oli igapäevane asi. Ka vanglas ei varjanud ta, et talle meeldivad mehed ja et ta on gei. Ta rääkis mulle, et vabaduses olles töötas ta prostituudina ning teenis sellega üsna hästi. Aga tol hetkel vaja- sin ma raha oi kui hädasti, polnud mul ju ka kuskil elada.

Tallinnasse saabudes ei tundnud ma mitte keda-

had been working as a gigolo and earning good money. I needed the money more than anything else, as well as some place to stay.

On my arrival in Tallinn I didn't know anyone there. Then Denis – my namesake – helped me. He settled me in the company he was working in. I can't express the disgust, shame and hopelessness I felt: God, how could I fall so low, what am I doing? I thought – now I will make some money and escape all that filth. But time passed and I noticed that I had changed.

I couldn't believe it was happening to me. I realized that I had become gay myself, just like my friend who brought me to this brothel. I began to fall in love with young guys but couldn't confess that to them. I was crying at nights because of that. I couldn't open myself, I couldn't imagine what would my mother and all my friends think of me. I have faced the most terrible problems that I would not wish to my enemy.

The time passed by and society grew more tolerant towards us. The time came to announce myself. I confessed to my parents and friends. My mother cried when she learned about that, but she understood me and still supports me. Many of my friends turned away from me, even though we had been friends since childhood. I lived through a very difficult time. Now, when these times are in the past, I can wear earrings, dye my hair, wear the clothes that I like without fearing I will be laughed at and called names by people in the street.

I have a person that I love, and who loves me. Now I don't regret my life.

I have also been a drug addict – I was on heroin for 7 months. Later I have faced another ordeal – I was informed that I had HIV. I still don't know exactly how and when I was infected. Was it the result of heroin use or working in the brothel. And again there are so many problems – discrimination by the surrounding people. No one shook my hand – I was an outcast. But my fate was merciful and I coped with it. People started to show their interest in me, I met new friends.

неплохие деньги, а мне ой как нужны они были на тот момент, да и жилья у меня не было.

Приехав в Таллинн, я не знал ни одного человека. Тогда Денис – он был моим тезкой и помог, пристроив меня в ту же фирму, где он работал сам. Я не могу передать какое отвращение, стыд и безысходность были у меня на душе: как я сам себя опустил, боже, чем я занимаюсь. Я постоянно думал, что вот сейчас подзаработаю денег и брошу всю эту грязь. Но время шло, и я стал замечать, что стал меняться.

Я не мог поверить, что это все происходит со мной. Я понял, что тоже стал геем, как и мой друг, который когда-то привел меня в бордель. Я стал влюбляться в молодых парней, но не мог признаться им в этом. От этого я рыдал по ночам. Я не мог заявить о себе, не мог представить, что обо мне подумает моя мама, да и вообще мои друзья. Я испытал такие трудности, что и врагу не пожелаешь.

Шло время, да и общество к нам стало относиться мягче. Настало время, когда я должен был о себе заявить. Я признался родителям, друзьям. Мама поплакала, но поняла и до сих пор меня поддерживает. Многие друзья отвернулись, хотя знали и дружили со мной с детства. Я пережил тяжелое для меня время. Теперь, когда все это позади, я могу носить серьги, красить волосы, одеваться, как мне нравится, не боясь, что в меня будут тыкать пальцем, кричать обидные слова. У меня есть человек, которого я люблю, который любит меня. Теперь я не жалею, что моя жизнь сложилась так.

А до этого я также пристрастился к наркотикам – 7 месяцев употреблял героин. Затем я перенес тяжелое испытание – мне сообщили, что у меня ВИЧ. Я так и не знаю, где я мог инфицироваться, из-за того, что употреблял героин или во время работы в публичном доме. И опять множество проблем – дискриминация со стороны тех людей, кто меня окружал. Со мной даже не здоровались за руку – я был изгоем. Но судьба милосердна ко мне и я справился. Люди потянулись ко мне, появились новые знакомые, друзья.

Мой бой-френд не инфицирован. Конечно, мне

gi. Nimekaim Deniss oli mu seljataguseks ja aitas mind, leidis mulle töökoha samas firmas, kus ta ka ise töötab. Ma ei suuda edasi anda vastikustunnet, häbi ja väljapääsmatustunnet, mis mu hinges valitsesid: kuidas ma olen ennast käest lasknud, jumal, millega tegelen. Kogu aeg mõtlesin, et teenin raha, jätan selle räpase elu. Aga aeg läks ning ma hakkasin märkama, et hakkasin muutuma.

Ma ei suutnud uskuda, et see kõik toimub minuiga. Sain aru, et ka minust oli saanud gei, nagu mu sõber, kes mind kunagi bordelli tõi. Hakkasin noortesse kuttidesse armuma, kuid ei suutnud neile seda tunnistada. Sellepärast halasin öösiti. Ma ei saanud ennast avada, ma ei kujutanud ette, mida arvaks minust ema ja kõik mu sõbrad. Kogegin selliseid raskusi, mida ei sooviks ka oma vaenlasele.

Aeg läks, ning ühiskonna suhtumine meisse muutus leebemaks. Jõudis kätte aeg, kui ma pidin endast avameelselt rääkima. Ma rääkisin oma vaenematele, sõpradele. Ema hakkas nutma, aga mõistis ja toetab mind siiani. Paljud sõbrad pöördusid minust ära, kuigi olime sõbrustanud lapsest saadik. Nüüd, kui see kõik on seljataga, saan ma kanda kõrvarõngast, värvida juukseid, riietuda nii, kuidas mulle meeldib, kartmata, et mu peale näpuga näidatakse ja solvanguid hüütakse. Mul on inimene, keda ma armastan ja kes armastab mind. Nüüd ma ei kahetse, et mu elu on selliseks kujunenud.

Aga enne seda olin ka köidetud narkootikumidega – 7 kuud tarvitasin heroini. Seejärel tabas mind tugev löök – mulle teatati, et mul on HIV. Ma ei tea siiani, kus ma nakatuda võisin, kas heroini kasutades või lõbumajas töötades. Jällegi hulk probleeme – diskrimineerimine mind ümbritsevate inimeste poolt. Mind isegi ei tervitatud kättpidi – olin eemaletõugatu. Aga saatus on minu suhtes armuline ja ma sain sellest üle. Inimesed hakkasid minuga suhtlema, tekkisid uued tuttavad, sõbrad.

Mu boyfriend ei ole nakatunu. Muidugi, mul tuleb kogu aeg jälgida, et meievaheline seks oleks turvaline. Aga ta on suuteline mind sellisena armastama. Inimesed sellise diagnoosiga, nagu minul, kogevad sagedast depressiooni, sagedased on ka eneseta-

My boyfriend is not infected. I always take precautions to make sure that we have safe sex. But he was able to fall in love with me as I was. People with the same diagnosis often feel discomfort, frequent depressions, and some even commit suicide. What helped me the most was that I didn't give up. I want to live and I will be fighting for my existence.

I have also decided that I must help other HIV-positives to cope with the stress and help them acquire the desire to live on. You have to be together and then it is easier to live through this grief. One should not conceal his qualities and sexuality – either “straight” or homosexual. It is important that people see in you your real self. There is no need to be afraid that you are gay, you should not hide and conceal it. Announce yourself!

Each of us chooses his own road to walk in the right direction. Anything can happen in life and we should learn how to handle the difficulties we meet in our way. What is the most important is to be there for each other. And we will be rewarded. Extend a helping hand!

приходится постоянно следить, что бы секс между нами был безопасный. Но он смог меня полюбить такого. Люди с таким диагнозом как у меня испытывают дискомфорт, частые депрессии, нередко совершают самоубийство. Но в первую очередь, что мне помогло – это то, что я не опустил руки, я хочу жить и буду бороться за свое существование.

Я также решил, что обязан помогать таким людям как я справиться со стрессом, помочь обрести желание жить. Нужно быть рядом, тогда и горе переносится легче. Да и в жизни не стоит скрывать какие-то качества, свою сексуальную ориентацию. Нужно, чтобы люди видели в тебе того, кто ты есть на самом деле. Не нужно бояться того, что ты гей, не надо прятаться и скрываться. Заяви о себе!

Каждый из нас выбирает ту дорогу, по которой он идет в правильном для себя направлении. В жизни может быть все, и мы должны научиться справляться с теми трудностями, которые встают на пути. А самое главное, не бросать друг друга в беде. И нам всем это сочтется!

Протяните друг другу руку!

puud. Aga esmajärjekorras, mis mind aitas – oli see, et ma ei lasknud käest, ma tahan elada ja kavatsen oma olemasolu eest võidelda.

Samuti otsustasin, et ma olen kohustatud aitama inimesi, nagu mina, stressiga toime tulema, aidata neil eluisu tagasi saada. Peab teineteise kõrval olema, siis on ka raskusi kergem üle elada. Ning elus ei peaks varjama mingeid tõekspidamisi, oma seksuaalset orientatsiooni. On vaja, et inimesed näeksid sind sellena, kes sa tõepoolest oled. Pole vaja sellepärast karta, et sa gei oled, pole vaja seda karta ja varjata.

Teadvusta ennast! Kõik meist valivad selle tee, mis viib õiges suunas. Elus võib kõike ette tulla, ning me peame õppima nende raskustega, mis teel ette tulevad, toime tulema. Ning kõige tähtsam on teineteist hädas mitte maha jätta.

SONJA/СОНЯ/SONJA, 21

13 year old. My brother offended me and insulted. Without saying a word I left my home before parents were back from work. I did not come home at night. When I came back, my mother, instead of asking where I was and what had happened, told me coldly: "Go back where you come from!" As I learned later, they believed there must have been a reason if my brother hit me. ... I felt hurt. The thought about suicide – if I was so useless – had crossed my mind for the first time.

16 year old. We had a fight with my mother because of the... chicken leg. She said: "*Why do you buy chicken legs with RIBS?*". Have you ever seen chicken legs with ribs? I haven't either. Maybe the ones with part of the spine, but you won't prove it to her – that would mean the attempt to contend for her OPINION and, please: "*This is my house and everything will be the way I decide, and you are next to nothing here.*" All right, then even the legs are with ribs? What a nonsense. I ran away for a week then and came back only to pretend our family was the most exemplary for the sake of the grandmother, who came to visit us. Then, again, I was considering suicide not to bother anyone around.

They were saying that he was a drug addict... No – no, push these thoughts away. I am too young to end up like that. I have just started my first year in university, and, finally, I am far away from my parents. And why? "This is only an assumption," I was repeating to myself. Relax and stop thinking about that. But the thoughts always came back, either creating a mess in my head or suddenly disappearing. "*He's a junkie. A drug addict, a junkie.*" "*Now again. I should pass the test to prove myself everything is all right, that this time I was lucky,*" I was soothing myself.

I wasn't lucky. This is the end.

Everything is ready. It's time to act. The method was chosen. To swallow the pills, for I am too afraid of the height to jump, and self-immolation sounds too masochistic. To drown myself is impossible – I am too good at swimming, the instinct of self-preservation won't let me commit the deed. Never before I trespassed so far away in my thoughts

13 лет. Обидел брат, ударил и оскорбил. Молча ушла из дома до прихода родителей и не пришла на ночь. Вернулась и вместо того, чтобы спросить, где я была и что случилось, мама сухо изрекла: "Гуляй дальше, где гуляла!". Как выяснилось позже, если брат ударил, значит "было за что"... Обидно. Мысль о самоубийстве, раз я такая ненужная, посетили меня впервые.

16 лет. Поссорились с мамой из-за... куриной ножки. Говорит: "*Что ты эти ножки с РЕБРАМИ покупаешь?*". Нет, вы видели когда-нибудь куриные ножки с ребрами? И я не видела, максимум с крестцом позвоночника, а вот не докажешь – попытка оспорить ее МНЕНИЕ и, пожалуйста: "*Мой дом, значит, будет все так, как я скажу, вы тут нули без палочек*". Значит и ножки с ребрами? Бред какой-то. Ушла на неделю, а вернулась лишь только потому, что надо было сыграть примерные семейные отношения перед приехавшей погостить бабушкой. И тогда я тоже думала, уйду из этого мира, чтобы никому не мешать.

Сказали, что он колющийся наркоман... Нет – нет, гнать от себя эти мысли. Я слишком молода, чтобы все вот так закончилось. Я только поступила на первый курс и, наконец, нахожусь далеко от родителей. Да и за что? Это всего лишь предположение, твердила я себе. Расслабься и не думай об этом. Но мысли постоянно возвращались; то сбивались в неразбериху, то внезапно куда-то исчезали. "*Он колется. Он наркоман, наркоман, наркоман. Вот, опять началось. Надо поскорее сдать анализ и убедиться, что все в порядке, что пронесло на этот раз*" – успокаивала я себя. Не пронесло. Это конец.

Все готово. Пора действовать. Способ выбран. Наглотаться таблеток, так как высоты я боюсь, чтобы сбрасываться; самосожжение это больно и пахнет мазохизмом; а для того, чтобы топиться, я слишком хорошо плаваю, инстинкт самосохранения не позволит выполнить задуманное. Никогда раньше при мысли о суициде я не заходила так далеко. Теперь я все решила. Жить с ЭТИМ я не могу. Не могу и не хочу. Решила настолько твердо, что становилось страшно, но тем не менее. Осталось только написать записки, попросить прощение у подруг, родных, у ТОГО, кого все еще люблю первой страстной любовью. Хотя я для него очередное, симпа-

13-aastane. Vend solvas, löi ja mõnitas. Enne vanemate saabumist lahkusin midagi ütle mata kodust ja ei tulnud ööseks tagasi. Kui ma tagasi tulín, selle asemel et küsida kus ma olin ja mis juhtus, nähvas ema kuivalt: "*Hulgu edasi seal, kus hulkusid!*". Hiljem selgus, kui vend löi, tähendab "*oli põhjust*"... Kurv. Mõtted eneseta-pust, kui ma juba nii üleliigne olen, tulid mulle esimest korda pähe.

16-aastane. Läksin emaga tülli... kanakoiba-de pärast. Tema ütles: "*Miks sa ostad RIBIDE-GA kanakoibi?*". Einoh, kas olete näinud kunagi ribidega kanakoibi? Mina ka ei ole, kõige rohkem ristluudega, aga proovi sa tõestada – katsu tema ARVAMUSES kahelda, ja, palun: "*Minu maja, tähendab, kõik on nii, nagu mina ütlen, teie olete siin nullid*". Tähendab, et ka kanakoivad on ribidega? Mingi jamps. Läksin nädalaks ära ja tagasi tulín ainult sellepärast, et meile külla sõitva vanaema ees oli vaja mängida ilusat perekonda. Ning siis ma ka mõtlesin, et lahkun parem siit ilmast, et mitte kedagi segada.

Räägiti, et see poiss on süstiv narkomaan... Ei - ei, tuleb need mõtted endast eemal hoida. Olen selleks liiga noor, et kõik niimoodi lõpeks. Olen alles esimesel kursusel, ja lõpuks ometi, vanematest kaugel. Ja ei tea mille pärast? Need on lihtsalt eelarvamused, kinnitasin ma endale. Rahune ja ära mõtle sellele. Kuid mõtted tulid ikka tagasi, kord viisid mind segadusse, siis äkki kadusid jälle. "*Ta süstib, ta on narkomaan, narkomaan, narkomaan*". "*Nii, jälle hakkas peale. Peab ruttu analüüsi tegema ja veenduma, et kõik on korras, et seekord on kõik korras.*" – rahustasin ma ennast. Ei olnud korras. See on lõpp.

Kõik on läbi. Aeg on tegutseda. Vahend on valitud. Neelan tablette, kuivõrd ma kardan kõrgust, enda süütamine oleks väärtus ja lõhnab masohhismi järele; aga selleks, et ennast uputada, ujun ma liiga hästi, enesetalhoiuintinkt ei la-seks otsustatud lõpule viia. Mitte kunagi varem ei olnud ma suitsiidimõtetele nii kaugemale läinud.

about suicide. But now I have decided. I can't live with THIS. I can't and I don't want to. I was so firm in my decision that it even frightened me, but still. The only thing that was left to do was to write the notes, ask forgiveness from my girl-friends, relatives, from HIM, whom I still love with my first passionate love. Even though for him I am just another nice body, flesh. He doesn't need my soul – he hasn't got his own. He has body – I too have body, nothing else was needed. I should ask forgiveness from my mother... From my mother? HOW? How can one ask forgiveness from the one who has physically suffered to bring me into this world, to nourish me and feed me? HOW!? It is not that I couldn't say these words, I couldn't even write them in the farewell letter. My imagination promptly drew the terrible scene: mother's tears, growing into the unrestrained hysterics, her weak heart that would not bear the terrible news.

This fact made me think and stop. I had to go on living. It is like I am here, and at the same time I AM NOT here. Any interest in life was lost. That's how it was – the little person was walking on her life and somebody broke her legs. Crudely and suddenly. My youthful illusions have disappeared in a moment. I have grown ten years older in a blink of an eye. I almost pay no attention to the fact that people expect me to be more nave at my twenty one.

How I miss my FORMER SELF... You can't imagine. The time flies, gradually I come out of my depression. I want to start all over again and forget this ill-fated year. Only now I have to learn to live my life freely, to enjoy the little details around me, which I have forgotten. I want to look into my future with optimism. The most important thing is to really wish it, isn't it? You have to find your own way and realize your hopes. I don't care about the stigma and society, and the fact that all people with THIS diagnosis are usually drug addicts and prostitutes. I believe there are people who understand and accept this situation as it is. Those who know how to live with US around, and even create families with HIV-positive people. The only thing that is left is to find these people. And then everything will be JUST ALRIGHT!!!

тичное тело, плоть. Ему моя душа не нужна – у него своей нет. У него есть тело – у меня тоже, большего не требовалось. Надо попросить прощения у мамы... У мамы? КАК? Как просить прощения у той, которая выстрадала физически свое чадо, которая прошла муки родов, выкормила и т.п. КАК?! Не то что язык не повернулся бы, рука не смогла писать прощального письма. Воображение моментально показало картину: мамины слезы, переходящие в безудержную истерику, ее слабое сердце, которое не выдержало страшного известия...

Сей факт заставил меня задуматься и остановиться. Придется жить. Я как бы есть, но в тоже время МЕНЯ НЕТ. Интерес к жизни утерян. Вот так вот шел себе человечек по жизни, а ему ножки взяли да и обрубали. Грубо и неожиданно. Юношеские иллюзии улетучились в один момент. Так я повзрослела сразу лет на десять. И почти не обращаю на то, что люди ждут от моего двадцати одного года большей наивности, большей неопытности в жизни.

Как я скучаю по себе ТОЙ... Вы себе представить не можете. Время идет, я постепенно выхожу из своей депрессии. Хочется начать все снова, забыть этот злосчастный год. Только вот теперь придется учиться заново дышать полной грудью, радоваться мелочам бытия, о которых забыла. Смотреть в будущее с оптимистическим настроением. Ведь главное, этого очень захотеть, не правда ли? Надо себя в чем-то найти, а потом реализовать. И чихать на стигму в общества, что ВСЕ люди такого диагноза наркоманы, проститутки. Я верю в то, что есть люди, понимающие и умеющие принять вот такой расклад. Умеющие жить с нами ТАКИМИ рядом, а порой даже непосредственно создавать семью с ВИЧ-инфицированными. Осталось только найти этих людей.

И тогда у нас будет все ХА-РА-ШО!!!

Nüüd olin otsustanud. Elada SELLEGA ma ei suuda. Ei suuda ja ei taha. Olin otsustanud nii kindlalt, et jube hakkas, kuid seda enam. Jäi ainult kirjutada hüvastijätukiri, paluda andeks sõbrataridelt, sugulastelt, TEMALT, keda ma ikka veel kui esimest kirklikult armastan. Kuigi tema jaoks ma olen ainult järjekordne kena keha, kere. Talle pole mu hinge vaja – tal pole seda endalgi. Tal on keha – mul ka, rohkem polnud vajagi.

Peab emalt andestust paluma... Emalt? KUIDAS? Kuidas paluda andestust sellelt, kes oma last sünnitades füüsilist valu tundis, elas üle kõik sünnituspiinad, rinnaga toitit jne. KUIDAS?! Mitte et keel ei painduks, käsi ei tõusnud hüvastijätukirja kirjutama. Kujutlesin endale pilti: ema pisarad, mis lähivad üle kontrollimatuks hüsteerikaks, ta nõrk süda, mis hirmsale uudisele vastu ei pea...

See pani mind järele mõtlema ja peatas mind. Tuleb elada. Ma just nagu eksisteeriks, kuid samal ajal mind pole olemas. Eluisu on kadunud. Niimoodi käis inimene oma eluteed ja järsku raiuti tal jalad alt. Julmalt ja ootamatult. Noorusillusioonid haihtusid momentaalselt. Sain kohe kümme aastat vanemaks. Ning ma peaaegu ei märkagi, et inimesed ootavad minu 21. eluaastale vastavat naiivsust ja kogenematust.

Kuidas ma igatsen SELLE järele endas.. Te ei suuda ette kujutada. Aeg läheb, samm-sammult vabanen ma oma depressioonist. Tahaks kõike uuesti alustada, unustada see õnnetu aasta. Aga nüüd tuleb uuesti õppida täiel rinnal hingama, rõõmustama piasjade üle, mis ma olen unustanud. Vaatama tulevikku optimistlikult. Sest peamine on ju seda väga tahta, kas pole tõsi? Peab endas midagi leidma, ning siis ellu viima. Ning sülitama ühiskonna eelarvamusele, et KÕIK inimesed selle diagnoosiga on narkomaanid, prostituudid. Ma usun, et on inimesi, kes oskavad ka sellist olukorda mõista. Kes oskavad elada meie, NIISUGUSTE, kõrval, ning isegi HIV-nakatunuga perekonna luua. Peab need inimesed lihtsalt leidma.

Ning siis saab meil kõik olema VÄGA HÄSTI!!!

ROMAN/ПОМАН/ROMAN, 26

My name is Roman. I am 26 year old. I don't know where to start from. But let me start from the very beginning. My life resembled the lives of other people. Or, rather, I had everything other people had:

school, technical secondary school, vocational school. I had even worked for some time. I didn't have father. Of course, I had father, but he died when I turned 3. My elder brother replaced him. In short, it was an ordinary family. I had a girlfriend that I wanted to marry. Everything was alright. At least, not bad.

Once, in the summer, I tried heroin. I wouldn't say that I liked it much, but it hasn't caused the disgust either. Looking back at those events, I think, I hit the needle only out of curiosity. I wasn't looking for additional high, I had always had fun without it and I didn't need more. I just wanted to know what it was, and why so many famous people had preferred it. I didn't find anything extra original in the effect of the drug and the next time I hit the needle was in a year or so. And this time too, I did it just to keep the company rather than to please myself. I think it was this injection that hooked me. By the time my family and girlfriend found out I was a junkie, I had already been on a systematic use. First, there were serious conversations in the kitchen, then tears and scandals. But it was too late. All these conversations were in at one ear and out at another. However, my girlfriend thought there was a chance to change everything, that it was a piece of cake. When they saw they couldn't affect me with words they put me into hospital. They thought it was only physical addiction and believed that I could be cured. When I left hospital I was clear for 3 months, then I was working and hitting the needle sometimes. I started to believe that I could live on like that. But in a while I was a junkie again. Probably at this moment I realized the seriousness of the condition I was in. But I couldn't stop. Sometimes I was terrified of my own thoughts, but still couldn't help myself, for the drug was much stronger.

Meanwhile my life had collapsed. I didn't notice it myself, though. Of course I continued working, but it

меня зовет Роман, мне 26 лет. Я даже не знаю с чего начать. Но попробую с самого начала. Моя жизнь была похожа на множество других, вернее, у меня было все, как и у всех: школа, профтехучилище, какое то время я даже работал. Отца у меня не было, нет, конечно, он был, но умер, когда мне исполнилось 3 года. Его мне заменил старший брат. В общем, ничего такого, чего нет в таких же других семьях. Была девушка, с которой мы собирались пожениться, все, в общем-то было хорошо, во всяком случае, не плохо.

И как-то летом я попробовал мак. Не скажу, что он мне очень понравился, но и отвращения тоже не вызвал. Оглядываясь сейчас на те события, мне кажется, что тогда я укололся просто из любопытства, так как никакого дополнительного кайфа я не искал, мне всего хватало и дополнительных ощущений мне было не нужно. Просто хотелось узнать, что же это такое и почему множество известных людей отдают этому свое предпочтение. Ничего сверх оригинального в действии наркотика я не нашел и в следующий раз укололся спустя примерно год, наверно больше за компанию, чем из-за охоты. Думаю, что после этого укола я "попался". Когда мои родные и девушка узнали, что я колюсь, то я был уже на "системе". Сначала были серьезные разговоры на кухне, потом слезы и скандалы, но было уже поздно. Все эти разговоры в одно ухо влетали и, не задерживаясь, вылетали из другого. Но моя девушка считала, что все еще можно исправить, что все это ерунда. Когда они поняли, что разговоры на меня не действуют, то положили меня в больницу, они думали, что это только физическая зависимость и в больнице меня вылечат. После больницы я продержался около 3 месяцев, ходил на работу изредка колосился и даже сам поверил, что таким образом смогу жить нормально. Но через некоторое время я уже опять "торчал". Возможно, именно тогда я стал понимать серьезность того, что со мной происходит. Но остановится уже не мог. Иногда мне становилось страшно от собственных раздумий, но сам я себе помочь не мог, наркотик был сильнее.

А тем временем жизнь моя разваливалась, правда, я сам этого не замечал. Я, конечно, продолжал еще работать, но это было лишь по инерции, да и работал я всего недели 2 из месяца, а остальное время был на

Minu nimi on Roman, olen 26. aastane. Ma isegi ei tea, millest alustada, kuid üritan algusest peale. Minu elu oli sarnane paljudele teistele, mul oli kõik olemas nagu kõigil teistel: kool, kutsekeskkool, mingi aeg ma isegi töötasin. Isa mul ei olnud, tähendab oli, aga ta suri, kui sain 3-aastaseks. Teda asendas mulle minu vanem vend. Üldiselt mitte midagi erilist, kõik nagu ka teistes peredes. Mul oli neiu, kellega kavatsesime abielluda, kokkuvõttes oli kõik hästi, igatahes mitte halvasti.

Ühel suvel proovisin mooni. Ei ütleks, et see mulle väga meeldis, kuid vastikustunnet ka ei tekitanud. Tagasi vaadates nendele sündmustele tundub mulle, et süstisin tookord ainult uudishimust, kuna mingit kaifi ma ei otsinud, mul oli kõik olemas ja lisaelamused ei olnud vajalikud. Lihtsalt tahtsin teada, mida see endast kujutab ja miks paljud tuntud inimesed annavad sellele eelistuse. Midagi üleloomulikult originaalset narkootikumi toimes ma ei leidnud ning järgmine kord süstisin end aasta pärast, ilmselt rohkem seltskonna, mitte vajaduse tõttu. Arvan, et peale seda süsti „lendasin orki“. Kui minu lähedased ja tüdruk said teada, et ma süstin, siis olin ma juba „süsteemis sees“. Algul olid tõsised jutuajamised kõõgjs, hiljem pisarad ja skandaalid, kuid oli juba hilja. Kõik need jutud lendasid ühest kõrvast sisse, teisest välja. Kuid mu tüdruk arvas, et kõike on veel võimalik parandada, et see kõik on tühi asi. Kui kõik mõistsid, et need jutuajamised mulle ei mõju, pani mind haiglasse, arvates, et see on vaid füüsiline sõltuvus ning mind ravitakse terveks.

Peale haiglat pidasin vastu umbes kolm kuud, käisin tööl, vahest harva süstisin ja isegi uskusin, et sellisel moel suudan elada normaalset elu. Kuid mõne aja möödudes olin jälle „nõela otsas“. Võimalik, et just siis hakkasin mõistma, kui tõsine on minu probleem. Kuid peatuda ma enam ei suutnud. Vahetevahel tekitasid need mõtted minus hirmu, kuid ise ma end aidata ei saanud, narkootikumi oli minu tahtest tugevam.

Sellel ajal variseski mu elu kokku, tõsi – ise ma seda ei märganud. Ma muidugi töötasin edasi, aga see oli inertsist ja kestis vaid 2 nädalat kuus,

was quite mechanically. Frankly speaking, I was working only two weeks in a month, the rest of the time I was on a sick-list or just didn't arrive at work. Eventually, I was fired. It was getting harder to find money. My friends gradually turned away from me, and I realized that I had no one except my mom and my brother. And even with them I didn't get along well. The relationship with my girlfriend was ruined too. There was nothing left, but fights. Of course she tried to help me, but finally she couldn't stand it anymore and left. But I didn't care much at the time. The only thing that was important was where to get money. I started to steal. It was clear that it couldn't go on like that forever, and soon I was arrested for the first time. I was released in two days.

It sufficed to bring me to my senses, but not for long. Soon I was arrested again, but this time I wasn't released – I was sentenced. There I learned I had been infected by HIV. It was a bolt from the blue. I can't say I was terrified, but I was shocked. I thought one could live with this disease for 4 years at best, or even less. I didn't know much about it, except for the scrappy, superficial information. Only now, having learned many new facts, I realized that you can live with this diagnosis a normal life, and much longer than 4 years. It is important to lead a healthy life style and forget about drugs. Looking back at my life, I understand that it couldn't have led me to any other situation. I am thankful to my fate that it turned out just like that... YES! YES! Exactly like that, whatever paradoxical it might sound. You see – many of those whom I knew have died or have no chance to improve. And I have this chance.

It may well be that all above would seem to you a banal story about one drug addict's life. But may be it is banal just because thousands and thousands fellows like me have been trapped in the nets of drug addiction. Reading the story like that once again many consider it as something commonplace, a narration that doesn't provoke any emotions: a young guy becoming a drug addict, being infected by HIV and getting into prison. It doesn't provoke not only fear, but even a simple question – WHY?

больничном или просто не ходил. И, как следствие, меня, конечно, уволили. Доставать деньги становилось все труднее и труднее. Друзья все потихоньку от меня отвернулись и я понял, что кроме брата и матери вокруг меня никого не осталось, да и с ними отношения были сложными. С моей девушкой отношения тоже рушились, так как в них, кроме ругани, ничего не осталось. Она, конечно, пыталась что-то сделать, но, в конце концов, и она устала и ушла. Но тогда это меня сильно не расстроило. Мне было все равно. Меня больше волновала одна проблема – где взять деньги, и тогда я начал воровать. Но, как известно, долго это продолжаться не могло, очень скоро я первый раз попал в полицию. Меня отпустили через двое суток. Этого хватило, что бы встряхнуть мои мозги, но, правда, не надолго и вскоре меня снова арестовали, только отпускать уже не стали и посадили в тюрьму. Именно здесь я узнал, что болен ВИЧ-инфекцией. Для меня это стало неожиданностью, не скажу, что я сильно испугался. Я ведь думал, что в лучшем случае с этой болезнью живут года 4, а может и того меньше, так как совсем ничего не знал об этой болезни кроме обрывочных поверхностных сведений. И только сейчас, узнав много нового, я понял, что и с этим диагнозом можно нормально жить и гораздо больше, чем 4 года. Главное, вести здоровый образ жизни и не употреблять наркотики. Оглядываясь назад на свою жизнь, я понимаю, что ни к чему другому она и не могла меня привести, и благодарю судьбу, что все сложилось именно так, а не иначе... ДА! ДА! ДА! именно ТАК, как бы парадоксально это не звучало, ведь многих из тех, кого я знал, уже нет, либо у них нет шанса, как у меня, все исправить.

Возможно, все выше написанное покажется весьма банальной историей о жизни одного наркомана, но может быть, она банальна оттого, что тысячи и тысячи таких же парней, как и я, попали в сети наркотиков. В очередной раз читая такую историю, многие принимают ее, как нечто обыденное, не вызывающее никаких эмоций повествование: молодой парень, ставший наркоманом, заболевший ВИЧ-инфекцией, попавший в тюрьму. Это почти ни у кого не вызывает не только страха, но и даже простого вопроса: ПОЧЕМУ?

ülejäänud aja viibisin haiguslehel või lihtsalt ei läinud tööle. Raha hankimine muutus üha raskemaks ja raskemaks. Tasapisi pöörasid kõik sõbrad mulle selja ja ma taipasin, et peale venna ja ema ei ole mu kõrvale jäänud enam kedagi ning ka nendega olid suhted keerulised. Ka suhted oma tüdrukuga olid läbi, kuna peale riiu ei olnud tunnetest midagi järele jäänud. Tema püüdis siiski leida lahendust, kuid lõpuks väsis ja lahkus. Tol korral see mind veel ei kurvastanud. Mul oli ükskõik. Mind huvitas ainult üks probleem – kuskohast hankida raha; siis hakkasin varastama. Teadagi ei saa selline asi kaua kesta, üsna ruttu sattusin esimest korda politseisse. Vabanesin kaks ööpäeva hiljem. Sellest piisas, et mõistus pähe tuleks, kuid mitte kauaks ja varsti arreteeriti mind jälle, kuid välja enam ei lastud, vaid pandi vangi. Just siin sain teada, et olen HIV-positiivne. See oli minu jaoks ootamatu, ei ütleks, et olin väga ehmunud, kuid siiski tundsin hirmu. Ma ju arvasin, et parimal juhul elatakse selle haigusega 4 aastat, võib-olla ka vähem, kuna teadsin sellest vaid pealiskaudselt. Ja alles nüüd, kui olen haigusest palju rohkem teada saanud, tean, et selle diagnoosiga elatakse normaalset elu ja palju kauem, kui 4 aastat. Kõige tähtsam on järgida terveid eluviise ja mitte tarvitada narkootikume. Tagasi vaadates oma elule, olen aru saanud, et mujale see ei saanudki välja viia ja tänan saatust, et kõik lõppes just nii, mitte teisiti... JAH, JAH, JAH, just NII, kui paradoksaalne see ka ei tundu, sest paljusid neist, keda ma tundsin, ei ole enam või pole neil võimalust – võimalust nagu minul – kõike parandada.

Võimalik, et eelnev jutt tundub teile üsna banaalse loona ühe narkomaani elust, aga võib-olla tundub see teile banaalsena vaid seepärast, et sajad ja tuhandet noormehed, nagu mina, on sattunud narkootikumide kätte. Paljud, lugedes taolist lugu, võtavad seda liiga igapäevaseks ja see ei tekita neis mingeid emotsioone: tavaline noormees, muutub narkomaaniks, nakatub HIV-i, satub vangi. See ei tekita kellegis mitte lihtsalt hirmu, vaid ka küsimust MIKS?

ANNA/АННА/ANNA, 24

Everyone knows that drugs are evil. I have learnt it through my own experience. That's why I can say with certainty – drugs is one of the most guileful evil in this world that entails illnesses not only of body, but also of soul.

My story of getting acquainted with drugs is very common. I was born in the autumn of 1980. I was brought up like any other child: I went to kindergarten, later to school. I have almost no recollections of my childhood, but it was a happy, carefree period. My parents loved me and took care of me and my education. I was a lively, affable, curious and fairly obedient child. I had had no "C" marks until tenth grade. The studies came easily to me. I had lots of hobbies: psychology, literature, music, drawing. I was fond of everything new and interesting, but I had no definite aspirations. I could never decide what to become in the future.

My parents, relying on my prudence, have never restricted the freedom of my actions. It happened so that I started to smoke when I was 13. Later I would hit the bottle on "holidays", often followed by blackouts. I smoked hash and by 15 I had already switched for amphetamine. I had been taking it for almost a year, thinking that I could give it up any time. When I couldn't get hang of the powder anymore I realized that I had been wrong. I can hardly remember that time, I was living like a zombie. I was shivering at the mention of the word "speed". Then I learned that one of my friends was on "horse", and I asked him to get heroin for me too. I really liked the effect after the first injection. Soon I was on a constant mainlining use, switching one trouble for another. However, at the time I still believed that I would be able to give up on my own, whenever I wish to.

Three months later my parents found out about my addiction. It was a great shock for them. I think they felt that something wrong was happening to me, but they were afraid to believe that their daughter had been hooked and had become a junkie. Of course, there were scandals, tears and persuasions. Finally, I was put into hospital. I knew that drugs would do no good for me, but I didn't consider

Всем известно, что наркотики – это зло. Я же убедилась в этом на собственном опыте, поэтому с уверенностью могу сказать, что наркотики – это одно из наиболее коварных зол в нашем мире, влекущих за собой болезнь не только тела, но и души.

Моя история знакомства с наркотиками довольно банальна. Я родилась осенью 1980 года. Росла, как и многие другие дети: ходила в садик, потом в школу. У меня практически не осталось воспоминаний о детстве, но это было счастливое, беззаботное время. Родители меня любили и заботились о моем воспитании. Я росла подвижным, общительным, любознательным, в меру послушным ребенком. В школе до 10 класса училась без троек, так как учеба давалась мне очень легко. У меня было множество увлечений: психология, литература, музыка, рисование. Мне нравилось все новое и интересное, но определенных стремлений у меня не было. Я никогда не могла решить, кем я хочу стать в будущем.

Мои родители, полагаясь на мое благоразумие, не слишком ограничивали мою свободу действий. И так получилось, что в 13 лет я начала курить, потом выпивать по "праздникам", частенько напиваясь до беспамятства. Покуривала травку, а к 15 годам перешла на амфетамин. Употребляла его чуть меньше года, думая, что в любое время смогу бросить. Когда случилось, что я больше не смогла доставать порошок, поняла, что сильно ошибалась. Я смутно помню то время: жила, словно зомби, при одном упоминании слова "фен", меня начинало трясти. Поэтому, когда я узнала, что один мой знакомый употребляет "черный", я попросила его достать и для меня. Эффект после инъекции мне сразу понравился. И вскоре я стала колоться уже постоянно, перескочив с одной беды на другую. Хотя в то время я все еще верила, что смогу бросить самостоятельно, стоит только захотеть.

Месяца через три родители узнали о моем припадке. Для них это был шок. Мне кажется, что они и раньше догадывались, что со мной происходит что-то неладное, но просто боялись поверить

Kõik teavad, et narkootikumid on kurjast. Mina veendus selles isikliku kogemuse kaudu, seepärast võin veendumusega öelda, et narkootikumid – see on üks hirmsamaid hädasid me maailmas, mis ei põhjusta mitte ainult füüsilisi haigusi, vaid ka hingelisi probleeme.

Minu lugu tutvusest narkootikumidega on küllaltki banaalne. Sündisin 1980. aasta sügisel. Kasvasin, nagu paljud teised lapsed: käisin lasteaias, siis koolis. Lapsepõlvest pole mul jäänud praktiliselt mingeid mälestusi, kuid see oli õnnelik, muretu aeg. Vanemad armastasid mind ja hoolitsesid mu kasvatus eest. Olin elav laps ja kasvasin suhtlejana, teadmishimulise, üpris sõnakuuleliku lapsena. Kuni 10. klassini õppisin ilma kolmedeta, kuna koolis osutus mulle kõik lihtsaks. Mul oli palju huvisid: psühholoogia, kirjandus, muusika, joonistamine. Mulle meeldis kõik uus ja huvitav, aga erilist tõmmet millegi poole mul polnud. Ma ei suutnud kuidagi otsustada, kelleks ma tulevikus saada tahan.

Minu vanemad, lootes lapse terve mõistuse peale, ei piiranud eriti mu tegutsemisvabadust. Ning juhtus nii, et 13-aastaselt hakkasin ma suitsetama, seejärel „pidupäevadel“ napsi võtma, juues tihti mälukaotuse ni. Suitsetasin rohtu, aga 15-aastaselt olin üle läinud amfetamiinile. Tarbisin seda veidi vähem kui aasta, mõeldes, et võin selle igal ajal maha jätta. Kui kord juhtus, et ei suutnud pulbrit hankida, mõistsin, et olin rängalt eksinud. Mäletan seda aega uduselt: elasin nagu zombi, mõttes ainult üks sõna: „amfetamiin“, mul algasid värinad. Seepärast, kui ma sain teada, et üks mu tuttav tarbib „musta“, palusin tal seda ka mulle hankida. Süstijärgne efekt hakkas mulle kohe meeldima. Varsti ma hakkasin ennast pidevalt süstima, sattudes ühest hädast teise. Kuigi tol ajal ma uskusin, et suudan selle iseisvalt maha jätta, peab ainult tahtma.

Kolme kuu pärast said vanemad mu kirest teada. Neile oli see šokk. Mulle tundub, et nad aimasid ka varem, et minuga toimub midagi halba, kuid nad lihtsalt kartsid uskuda, et nende tütar on seotud narkootikumidega – et temast on saanud narkomaan. Muidugi, järgnesid skandaalid, pisarad, loengud. Ning lõppude lõpuks, pandi mind haiglasse. Ma mõistsin, et

them to be my problem. Eleven days later I ran away to search for the “high” with one of my drug addict friend. Of course, we were expelled from the hospital. Parents took me home. I was so ashamed, I decided to improve. In a week I got into hospital with hepatitis C. I underwent a medical treatment, I was on a diet and regimen, I returned to the healthy living.

My sobriety lasted 2 months. And all that time I was burned with a desire to take a syringe. On my birthday I couldn't resist the temptation and hit the needle. And then “once or twice” and I was back on the old track again.

The difficulty to resist the temptation did not lay in the fact that I was among drug addicts, on the contrary – no one of my relatives or friends was taking drugs. The thing is that I just liked to be high. I tried to combine the life of the drug addict with the life on an ordinary person. I tried to sit on two chairs simultaneously. But with time I couldn't manage it. The old friends gradually alienated from me, I was surrounded by drug addicts only. I didn't manage to finish my education. I left home and didn't get along with my parents. My life was spinning solely around drugs.

The following 7 years of “high” I have had endless attempts to quit, on my own as well as under coercion, but all in vain. I realized that I couldn't give up drugs on my own, if there was no dose at the right time my state was intolerable. I have developed an insurmountable fear of the “cold turkey” – the painful withdrawal. Meanwhile, my life was turning more and more difficult.

My friends were sentenced one after another, many of them have died from overdose. It seemed the rain of troubles had been pouring on drug addicts' heads. However, I was lucky. Four years ago I met a man and we fell in love with each other. He became my husband later. He was also a drug addict with big experience. We had created an exemplary “family of drug addicts”. We lived together, we stole together, we were “high” together. My husband took care of me. We trusted each other completely and never had fights about the stuff, which is quite rare among drug addicts. We had our dreams and plans. We dreamt about quitting and settling down, living our lives without drugs. We wanted to have

в то, что дочь их связалась с наркотиками – стала наркоманкой. Конечно, были скандалы, слезы, угрозы. И, в конце концов, меня положили в больницу. Я понимала, что наркотики не приведут меня ни к чему хорошему, но не считала их для себя большей проблемой. После 11 дней в больнице я с одним знакомым наркоманом сбежала за кайфом. Конечно же, нас выгнали. Родители забрали меня домой. Мне было жутко стыдно, и я решила исправиться. И через неделю я попала в больницу уже с гепатитом С. Стала лечиться, соблюдать диету, режим, вернулась к здоровому образу жизни.

Моя трезвость продолжалась около 2 месяцев. И все это время меня преследовало желание взять в руки шприц. На свой день рождения я не смогла удержаться и укололась. А потом “разочек через денечек” и я опять вернулась на систему.

Мне трудно было удержаться от соблазна не потому, что я общалась в среде наркоманов, наоборот, никто из моих близких друзей тогда не употреблял наркотики. Просто мне нравилось жить под кайфом. Я пыталась совместить жизнь наркомана и обычного человека, усидеть на двух стульях, но со временем это получалось все хуже и хуже. Старые знакомые постепенно устранились, остались одни наркоманы. Учебу не удалось закончить. Из дома я ушла и отношения с родителями совсем разладились. Моя жизнь стала вращаться только вокруг наркотика.

В последующие 7 лет “торчания” было бесконечное множество попыток завязать, как по собственной воле, так и по принуждению, но каждый раз все начиналось сначала. Я стала понимать, что не смогу самостоятельно бросить наркотик, ломаться с каждым разом становилось все труднее. Возник непреодолимый страх перед ломкой. А жизнь моя тем временем становилась все хуже и хуже.

Знакомых сажали один за другим, многие умерли от передозировок. Казалось, напасти так и сыпятся на головы наркоманов. Но все же мне очень повезло в жизни. Четыре года назад я встретила с человеком, мы полюбили друг друга, в последующем он стал моим мужем. Он тоже был наркоман с большим стажем. В общем, получилась образцовая “наркоманская семья”. Мы вместе жили, вместе воровали, вместе кололись. Мой муж опекал меня во всем и заботился обо мне. Мы полностью доверяли друг другу и никогда не спорили из-за кайфа, что в среде наркоманов

narkootikumid ei vii mind millegi heani, kuid ei arvanud, et see minu jaoks kuigi suur probleem oleks. Peale ühtteist päeva haiglas põgenesin koos ühe tuttava narkomaaniga, et kaifi hankida. Ning loomulikult visati meid haiglast välja. Vane mad viisid mind koju. Mul oli kole häbi, ning ma otsustasin ennast parandada. Ja nädala pärast sattusin C-hepatiidiga uuesti haiglasse. Hakkasin ennast ravima, järgima dieeti, režiimi, pöördusin tagasi tervislike eluviiside juurde.

Mu kainusperiood kestis umbes kaks kuud. Ning kogu selle aja jooksul tundsin endas soovi süstal kätte võtta. Oma sünnipäeval ei suutnud ma ennast tagasi hoida ja süstisin ennast. Ning seejärel „proovisin üle päeva” ja ma pöördusin jälle süsteemi tagasi.

Mul ei olnud mitte sellepärast raske uimastitest hoiduda, et ma oleks narkomaanidega suhelnud, vastupidi, mitte keegi mu tollastest lähedastest sõpradest ei kasutanud narkootikume. Mulle lihtsalt meeldis kaifi all elada. Ma üritasin narkomaani ja tavalise inimese elu ühendada, korraga kahel toolil istuda, aga aja möödudes õnnestus see aina vähem ja vähem. Vanad tuttavad kadusid üksteise järel, jäid ainult narkomaanid. Õpinguid ei õnnestunud lõpetada. Kodust läksin ma ära, ning suhted vanematega olid täiesti sassis. Mu elu hakkas pöörlema ainult ümber uimastite.

Järgnevad seitse aastat „tõblemist“ oli lõputu katsete rodu uimastitest vabanemiseks; nii vabatahtlikult, kui sunnitult, kuid iga kord hakkas kõik jälle otsast peale. Hakkasin mõistma, et iseseisvalt ma ei suuda uimasteid jätta, iga korraga oli võõrutusnähtudest raskem üle saada. Võõrutusnähtude ees tekkis ületamatu hirm. Aga mu elu muutus tollal ainult hullemaks ja hullemaks.

Tuttavaid pandi üksteise järel vangi, paljud surid üledoosi tõttu. Tundus, et probleemid narkomaani elus ainult lisanduvad Kuid siiski on mul elus väga vedanud. Neli aastat tagasi ma kohtusin ühe inimesega, me armusime teineteisesse, ning lõpuks sai temast mu mees. Ka tema oli pika staažiga narkomaan. Üldiselt, tuli välja „näidisnarkoperekond“. Me elasime koos, varastasime koos, süstisime koos. Mu mees kindlustas mind kõigega ja hoolitses mu eest. Me usaldasime teineteist täielikult ja ei tülitsetud kunagi kaifi pä-

children. Still, in reality we continued to be drug addicts.

At the time HIV epidemic had broken out. My husband and I have always been using our own syringes, but we too didn't escape HIV infection. Probably, the infection has gotten in through the injection water or through the "boiling" – the ready solution of poppy straw, but now it didn't matter. The news that we were infected we accepted calmly. The sobbing and lamentation wouldn't change anything anyway. We had done it by ourselves, no one forced us to inject the drugs, and we knew about the risk. And now we had it. With the thought that my life would be much shorter than it could have been I got used even earlier, when I was infected by hepatitis C, and it attained chronic form. Despite all this, the life went on, and I continued to take drugs.

I gave up the idea to quit, realizing that it wouldn't suffice to live through the abstinence. It was necessary to change the psychology, to do something that the cravings would disappear, and returning to society would be possible. All this needed the help of the professionals, money and years of rehabilitation. However, my husband was more optimistic about that. He was trying to reassure me that life without drugs could be beautiful. That is why, when we learned about the opening of methadone center, we decided to try. We passed the tests and enrolled into the program. Soon it will be a year that we don't inject drugs. Every morning we come to the center to receive methadone, we communicate in groups and work with psychologist. Someone would say that methadone is still a drug, but it was the only way out for me, and now my life has changed. I don't need to steal and run around the town in search of money and drugs anymore. I have a possibility to study, start working and take care of my family. I have to learn how to live from the beginning. It is not easy for a drug addict to adapt in the society. Now I am sure that however deep the person sinks into the dark depth, he always has a chance to come to the surface, under the sun.

является редкостью. В мечтах мы строили планы, как прекрасно будет переломаться, устроить свою жизнь без наркотиков, родить детей. Но в реальности мы продолжали оставаться действующими наркоманами.

И в это время среди наркоманов началась эпидемия ВИЧ. Мы с мужем всегда пользовались своими шприцами, но и нас не миновала участь стать ВИЧ-инфицированными. Возможно, зараза попала через воду для инъекций или через варку - готовый раствор маковой соломки, но это казалось не важно. Известие о том, что мы инфицированы, внешне мы восприняли спокойно. Что реветь и причитать, ничего не изменить. Мы кололись сами, никто нас не заставлял, мы реально понимали риск. Вот и получили. А с мыслью, что моя жизнь будет намного короче, чем могла бы быть, я смирилась еще раньше, когда заболела гепатитом С и он перешел в хроническую форму. Но, несмотря на это, пока жизнь продолжалась, и я продолжала колоться.

Я рассталась с надеждой бросить наркотики, понимая, что мало пережить абстиненцию, необходимо изменить психологию, сделать так, что бы исчезла тяга к наркотикам, что бы была возможность вернуться в общество. А для этого нужна помощь специалистов, деньги и годы реабилитации. Но мой муж был настроен более оптимистично, убеждая меня в том, что жизнь без наркотиков может быть тоже прекрасной, поэтому, когда мы узнали об открытии метадонного центра, мы решили попробовать. Сдали тесты и попали в программу.

Скоро исполнится почти год, как мы не колемся. Каждое утро ездим в центр получать метадон, общаемся в группах, работаем с психологом. Кто-то скажет, что метадон – это тот же наркотик, но для меня это был единственный выход, и теперь моя жизнь изменилась к лучшему. Мне не нужно воровать и целыми днями бегать в поисках денег и наркотиков. Появилась возможность учиться, устроиться на работу, заниматься домашним хозяйством, семьей. Приходится снова учиться жить. Ведь наркоману со стажем не так легко адаптироваться в обществе. И теперь я уверена, что как бы глубоко человек ни погрузился во тьму, у него всегда есть шанс вернуться на дорогу, ведущую к свету.

rast, mida narkomaanide seas harva ette tuleb. Unistustes tegime plaane, kui tore oleks sellest välja tulla, korraldada oma elu ilma uimastiteta, kasvada lapsi. Kuid tegelikkuses me jäime aktiivseteks narkomaanideks.

Ja sel ajal algas narkomaanide seas HIV epideemia. Olime mehega alati kasutanud omi süstlaid, kuid ka meie võisime nakatuda. Võisime nakatuda süstimiseks vajamineva vee kaudu, või „varka“ – valmis mooniseemnelahuse – kaudu, kuid see ei tundunud olulisena. Uudise, et me oleme nakatunud, võtsime rahulikult vastu. Võib ju halada ja ulguda, aga midagi enam muuta ei saa. Ise me süstisime, keegi meid ei sundinud, me teadvustasime endale kõiki riske. Noh ja nakatusimegi. Aga mõttega, et mu elu saab olema palju lühem sellest, mis võiks olla, harjusin ma juba varem, siis, kui haigestusin C hepatiiti ja see muutus krooniliseks. Noh, kõigele vaatamata, elu läks edasi, ning mina süstisin edasi.

Ma jätsin lootuse uimastitest vabaneda, mõistes, et ei piisa lihtsalt absistentsi üleelamisest, peab ka muutma enda psühholoogiat, tegema nii, et kaoks tõmme uimastite poole, selleks et ühiskonda tagasi pöörduda. Aga selleks on vaja spetsialistide abi, raha ning aastaid rehabilitatsiooni. Aga mu mees oli palju optimistlikumalt häälestatud, veenis mind selles, et elu ilma narkootikumideta võib samuti ilus olla, ja sellepärast, kui me kuulsime metadooni keskuse avamisest, otsustasime proovida. Andsime analüüsid ja meid võeti programmi vastu.

Varsti saab aasta sellest, kui me viimati süstisime. Igal hommikul sõidame keskusesse metadooni järele, osaleme grupitöös, töötame psühholoogiga. Keegi võib-olla ütleb, et metadon – see on sama-sugune uimasti, kuid minu jaoks oli ainus väljapääs ja nüüd on mu elu paremuse poole muutunud. Mul pole vaja varastada ega päevade kaupa raha ja uimasteid otsides ringi käia. On tekkinud võimalus õppida, tööle minna, tegeleda koduse majapidamisega, perega. Peab uuesti elama õppima. Pole ju staažikal narkomaanil kuigi kerge ühiskonnas kohaneda. Ja nüüd olen ma veendunud selles, et kui tahes sügavasse müllasse inimene ka ei vajuks, on tal alati võimalus naasta teele, mis valguse poole viib.

How long are you to suffer the laughter of the sad...

Oh how time flies when you're not doing anything. Another week has passed. Nothing will be remembered of it and so it will disappear into the ocean of eternity.

The whole family is at home – Epp, the boys, Helen. Even little darling is enjoying the company of her young hosts. This rarely happens in the middle of the week. Then she will have to do with my company.

What else is there to do except sprawl in bed. It would be stupid to go to the living-room where Epp is. It is boring in bed – I'm not sleepy, but too weary to read a book. Perhaps take a walk – but where?

But what is this happening? My whole body becomes wet, there are big tears on my face and a puddle in the cavity of the chest. Usually I sweat like this at night, never in the daytime. I need to make an insulin injection and eat a bit. After the injection I staggered into the kitchen. I feel awful, water is running down my face.

At the last minute I notice my ex-wife brother's family in the hall and kitchen. I wouldn't want to be seen eating by them in this state. I turn to waver back into my room. On my way I beckon my youngest son to come to me. After a while he does that. I ask him to bring me some milk. But I can't hold the glass in my hand. Half of it spills out on the bed, but I manage to place the rest on the shelf above my head. Suddenly I feel like I'm falling asleep. Then I catch my thought again – what is going on? Neither my body nor my mind seems to be operating.

I would like to get up, but can't. Everything seems to be shrinking, then again spreading. There's no pain, but also no clarity of mind. My body doubles up as if it had no bones. Twitching like this for a while, I fall onto the floor. Doesn't hurt a bit. I fall against the radiator – again no pain. Then, from under the bed, I notice pairs of feet entering the room. One of them belongs to the ex-wife for sure, the rest are the sons'. I just

Долго терпишь смех невзгод...

Как быстро летит время, когда ты ничего не делаешь. Снова прошла неделя. Ничего от неё не осталось в памяти и так она пропадает в море вечности.

Вся семья дома - Эпп, ребята, Хелен. Даже Типсу пользуется обществом своих молодых товарищей. Такое на неделе случается редко. В основном ему приходится мириться с моим обществом.

Что тогда делать, кроме, как валяться в кровати. Идти в большую комнату к Эпу было бы глупо. В кровати скучно, сна нет, для чтения нет желания. Пойти гулять - куда? Что за чушь начинается? Всё тело становится мокрым, на лице крупные капли влаги, на груди образовывается целая лужа. Обычно такое потоотделение происходит по ночам, а сейчас посреди дня. Нужно вколоть инсулин и немного поесть. Сделав укол, иду, спотыкаясь и опираясь о стену, к кухне. Самочувствие ужасное, влага струится по лицу.

В последнюю минуту замечаю в холле и на кухне семью брата бывшей жены. При них, я в таком состоянии есть не пойду. Поворачиваюсь, чтобы ввалиться обратно в свою комнату. По дороге взмахом руки подзываю младшего сына. Через некоторое время он подходит. Прошу его принести себе немного молока. Получив молоко, не могу удержать в равновесии стакан в руках. Половина проливается на постель, кое-как ещё могу поставить стакан на полку в изголовье. На какое-то время погружаюсь в сон. Потом в голову снова приходит вопрос: что происходит? Ни тело, ни мысль не подчиняются мне.

Хочу подняться, но не могу. Всё будто бы сжимается, а потом расплывается. Боли вроде бы нет, но и нормального состояния тоже. Тело сворачивается в кольцо, будто бы и нет костей. Вытягиваясь таким образом, падаю на пол. Совсем не больно. Кажется, что должен вписаться в какое-нибудь тесное место. Бьюсь о край кровати - боли нет. Стучусь о радиатор - боли нет. Потом вижу из-под кровати, как в спальню начинают входить ноги. Одни точно принадлежали бывшей жене, а две другие пары - сыновьям. Не понимаю, что происходит, разум не работает. Внутри кто-то как будто надувает воздушные шарики. Тут снова тело сворачивается. Не понимаю кто, но кто-то кри-

Kaua sa kannatad kurbade naeru...

Oi kui kiiresti aeg lendab, kui sa midagi ei tee. Jälle nädal möödab. Meelde pole tast jäämas midagi ja nii ta ajamere igavikku kaob.

Kogu pere on kodus – Epp, poisid, Helen. Tip-sugi on oma noorte peremeeste seltsi kasutamas. Nädala sees juhtub seda ju harva. Siis peab ta põhiliselt minu seltsiga leppima.

Mis siis teha, peale voodis maarutamise. Suurde tuppa Epu ette minna oleks lollus. Voodis on igav, õiget und ei tule, lugeda pole jaksu. Jalutama minna – kuhu? Mis jama see siis nüüd hakkab? Kogu keha muutub märjaks, näol on lausa suured veepisarad ja rinnaaugus veeloik. Tavaliselt juhtub niisuguseid higistamisi öösiti, nüüd aga keset südapäeva.

Peab insuliini süstima ja natuke sööma. Süst tehetud, koperdan seinalt tuge otsides köögi poole. Enesetunne on kohutav, vesi jookseb mööda nägu.

Viimasel minutil märkan esikus ja köögis eksnaise vennaperet. Ei nende nina alla ma sellises olekus küll sööma ei lähe. Pööran ümber, et oma tuppa tagasi vaaruda. Teel viipan nooremat poega, et ta minu juurde tuleks. Veidi aja pärast ta tulebki. Palun tal tuua endale veidi piima. Piima saanud, ei suuda ma aga enam klaasi hoida tasakaalus. Pool läheb voodisse, kuidagi saan veel klaasi peatsis paiknevale riulile panna. Vajun hetkeks nagu unne. Siis tuleb mõte jälle pähe ning küsimus: mis toimub? Keha ega mõte ei kuula üldse sõna.

Tahaks tõusta, aga ei suuda. Kõik kisub nagu kokku, valgub laiaks. Valu ei ole, aga õiget mõistmist samuti mitte. Keha kisub rõngasse, nagu polekski luid. Niiviisi vääneldes kukun lõpuks põrandale. Polegi valus. Tundub, et pean kuhugi kitsasse kohta mahtuma. Voodiääre vastu end lüües – valu ei ole. Radiaatori vastu kolksatades – valu ei ole.

Siis näen voodi alt läbi, et magamistoa uksele hakkavad jalad tulema. Ühed on kindlasti eksnaise omad, kahed ülejäänud poegade. Mitte ei saa aru, mis toimub; mõte ei tööta. Sees nagu puhuks

don't understand anything, my mind isn't working. Feels like somebody is inflating balloons in me – puff and puff! And then my body shrinks again. I can't make it out who, but somebody is yelling at me – *“Enough with your tricks, stop lying on the floor, get back in bed! Stop the nonsense”*. I don't even feel like being hurt. But I don't understand why the boys won't help me back in bed. For a moment it feels like somebody is pulling my sleeve, but lets it go again. I can see feet walking out of the room. I gather what is left of my reason and strength and hoist myself on the side of the bed. But my body is pulled in different directions, and now the spit has started to run. I fall off the bed again. I hit my head against something. Luckily there's no pain.

I can see feet appearing at the door again. Somebody is talking, but I can't make out, what. After that – darkness.

Strange people in green. Some women bending down above me, I see jars. The light is burning my face, it is cold. Then my mind goes blunt again.

When I wake up, I don't know how long it has been since I got here. It seems to be dark outside the window. Slowly I regain my sanity. I must be in a hospital. Suddenly a man, a doctor, appears from the right and asks me what happened. If I knew, I would answer. I have to ask him myself – where am I and what has happened to me. He replies – *“Your blood-sugar was too low, you are in the emergency room”*. That is all I get. It is cold and I want to pee.

Finally a nurse passes close enough for me to make the request – they bring me some plastic bottle. After a while I empty my bladder into it. I still feel dizzy and cold, almost shiver.

“I called your son – when is he picking you up?”

- The same male doctor is talking to me. I tell him I have no idea. If I could make a phone call... They teach me to make a collect call. I reach the telephone booth in my socks. My son

чит, мол, не ломай комедию на полу, иди в кровать. *“Прекрати, наконец, свои глупости”*. Не могу даже оскорбиться. Не понимаю, почему сыновья не помогут мне забраться на кровать. Кто-то тянет за рукав рубашки, потом снова отпускает. Вижу, как ноги друг за другом выходят из комнаты. Собираюсь с мыслями и силами, взваливаюсь на край постели. Но тело сворачивается то в одну, то в другую сторону, начинает бежать слюна. Снова падаю с кровати. Голова обо что-то ударяется. К счастью, боли нет.

Снова вижу появившиеся в дверях ноги. Кто-то говорит что-то, но что - не понимаю. Потом приходит темнота...

Люди в какой-то странной сероватой одежде. Какие-то склонившиеся надо мной женщины, какие-то склянки. В лицо жгучий свет, холодно. Сознание снова затухает.

Не знаю, много или мало проходит времени, но снова просыпаюсь. За окном вроде бы темно. Разум начинает потихоньку проясняться. Понимаю, что должен находиться где-то в больнице. Потом откуда-то справа от головы появляется какой-то врач-мужчина и спрашивает, что со мной случилось. Если б знал, ответил бы. Это я должен спрашивать, что со мной случилось и где я. Ответ: *“В крови низкое содержание сахара, находишься в больнице скорой помощи”*. Вот и все дела. Холодно, хочется в туалет. Наконец, кто-то из медсестёр проходит рядом, и я могу сказать о своих желаниях. Приносят какую-то пластмассовую бутылку. Потребности удовлетворены. Состояние всё ещё сонное и холодно, прямо в дрожь бросает.

“Я позвонил вашему сыну, когда он придёт за вами?” - Спрашивал тот самый мужчина-врач. Отвечаю, что я не знаю. Хотелось бы позвонить. Меня научили звонить за счёт отвечающего. Шатаюсь, иду в носках к телефону-автомату. Сын отвечает, что тут же будет на месте. Тут замечаю, что под моими ногами сумка с вещами и одеждой. Почему врач не обратил на это внимания?

Старший сын на месте. Вскоре мы дома. Смотрю, что на часах уже девять вечера. В животе пусто, ведь за весь день я ничего не ел. Вспоминается прошлодневный суп. К счастью, он сохранился.

Прохожу мимо комнаты младшего сына. приветст-

keegi õhupalle täis – puhh ja puhh. Sealsamas ki-sub kogu keha jälle kokku. Kes, ei saa aru, aga keegi käratab, et ära tee oma kometeid ega aele siin põrandal, mine voodisse. *“Lõpeta ükskord oma lollused ära”*. Isegi solvuda ei oska. Ma ei saa aru, miks pojad mind voodisse ei aita. Kord nagu keegi venitab pluusi käisest, siis laseb uuesti lahti. Näen, kuidas jalad üksteise järel toast lahkuvad. Võtan kogu mõistmise ja jõu kokku, upitan end voodi äärele. Aga keha kisub igasse kanti keerdu, nüüd hakkab sülg ka veel jooksuma. Kukun uuesti voodist maha. Pea kolksatab kuhugi vastu. Valu õnneks ei ole.

Näen jälle uksele ilmuvaid jalgu. Keegi räägib midagi aga mida, ei saa aru. Siis tuleb pimedus...

Mingites imelikes rohekates riietes inimesed. Mingid naised minu kohale kummardumas, mingid purgid. Näkku põletav valgus, külm on. Jälle jookseb mõistus peitu.

Ma ei tea, on kulunud aega palju või vähe, kui uuesti ärkan. Akna taga paistab olevat pime. Mõte hakkab tasapisi selginema. Saan aru, et pean olema kuskil haiglas. Siis ilmub kuskilt paremale poole pead mingi meesarst ja küsib, et mis teiega juhtus. Kui teaks, vastaks. Pean hoopis ise küsima, et mis minuga on ja kus ma olen. Vastus: *“Veresuhkur oli liiga madal, oled kiirabihaiglas”*. Siit kogu tarkus. Külm on, pissihäda on. Lõpuks läheb keegi õde nii lähedalt mööda, et saan talle oma soovi öelda. Mingi plastmasspudel tuuakse. Lõpuks tuleb häda ka sinna ära. Olemine on ikka veel uimane ja külm on, lausa lõdisema võtab.

„Ma helistasin teie pojale, millal ta teile järgi tuleb.” Küsijaks on toosama meesarst. Vastan, et ma ju ei tea. Saaks helistada. Mind õpetatakse vastaja arvel helistama. Koperdan sokkis automaadini. Poeg vastab, et on kohe kohal. Nüüd märkan, et mu nari all on kott asjadega ja riided. Miks arst sellele tähelepanu ei juhtinud?

Vanem poeg on kohal. Varsti oleme kodus. Vaatan, et kell on üheksa õhtul. Kõht on nii tühi, pole ju terve päeva midagi sünnud. Tuleb meelde eelmise päeva kanasupp. Õnneks ongi seda veidi soojenduseks alles.

says he'll be right there. Only now I notice a bag and some clothes under the bed. Why hasn't the doctor said anything?

The eldest son has arrived. It won't be long until we're at home. I notice it is nine in the evening. I am so hungry, I haven't eaten all day. I remember I must have some chicken soup from the day before. Luckily there is some to warm up.

I pass the room of my youngest son and wave to him. Without turning his head away from the computer screen he tells me to go eat. *"And after that we are going to have a serious discussion"*. *"About what?"* - I ask. He says, if you don't stop fooling around like this, you're going back to the hospital for good. I have no words; I sit down to have my soup. But I have lost my appetite. I don't know what to say, I want to cry, to run away – but where?

Suddenly I remember the feet from under the bed, the reproaches, the pulling of my sleeve. I don't want to think of anything anymore, it hurts to. It burns inside – for what? I have always helped and loved my children. Why are they treating me like this?

But there's nothing left to do, I myself made my life. Somehow it feels good that nobody cares about me. Go wherever you want and whenever you want, do whatever you please.

March 2004

(passed away in July 2004)

вую его взмахом руки. Не поворачивая лица от монитора компьютера, он говорит: *"Иди есть. Потом с тобой будет серьёзный разговор."* Спрашиваю, на какую тему. Он отвечает, что если ты не прекратишь выкидывать подобные фокусы, то пойдёшь в больницу и там останешься. У меня нет слов, сажусь есть свой суп. Но аппетит будто рукой сняло. Я ничего не могу сказать, можно было бы зарыдать, можно было бы убежать - но куда?

Теперь вспоминаются виденные из-под кровати ноги, поучения, потягивание за рукав. Не хочу больше ни о чём задумываться, больно. Внутри всё горит - за что? Я всегда любил своих детей и помогал им. Откуда такое отношение?

Но что поделаться, я сам так прожил свою жизнь. В каком-то смысле даже хорошо, что обо мне никто не заботится. Иди куда хочешь, когда хочешь и делай, что хочешь.

Март 2004

(ушел от нас в июле 2004 года в мир иной)

Möödun noorema poja toast ja tervitan teda käeviipega. Nägu arvutilt pööramata ütleb ta - *"Mine nüüd sööma"*. Siis veel sinuga tõsine jutujamine. Küsin, et mis teemal. Ta vastab, et kui sa oma trikke siin ära ei lõpeta, lähed haiglasse ja sinna jäädk. Jään sõnatuks, istun oma suppi sööma. Aga söögiisu on nagu käega pühitud. Ma ei oska midagi öelda, nutta võiks, joosta võiks – aga kuhu?

Nüüd tulevad meelde voodi alt nähtud jalad, manitsused, pluusikäisest venitamine. Ei taha enam millelegi mõelda, valus on. Hinges põletab – mille eest? Olen oma lapsi alati aidanud ja armastanud. Milleks selline suhtumine?

Aga mis teha, ise ma oma elu selliseks olen elanud. Mõnes mõttes isegi hea, et must keegi ei hooli. Mine kuhu tahad, millal tahad ja tee mida tahad.

Märts 2004

(lahkus meie seast juulis 2004 aastal)

TOMAS/TOMAC/TOMAS, 33

Hello! My name is Tom. I am 33 year old now. I have been thinking what should I write about. I have been collecting my thoughts and just couldn't bring myself to writing, something inside me was stopping me. First, when I was offered to write about myself, my living, and becoming what I am now, it seemed much easier to show you my thoughts, my feelings about what was happening to me. But it turned out to be much harder, I had doubts what should I write about. The banalities everyone have read or heard about? You can hardly surprise anyone by that, let alone receiving compassion. And then, accompanied by all these thoughts, there emerged the great desire to speak out, to un-bosom my feelings. I, by no means, seek any sympathy or compassion towards me or people like me. I just want to say that back at that time there was no one to talk to me about that.

I am HIV-positive. I had a common life, like the life of any person. I was born in Tallinn and have been living here ever since. Careless childhood, studies at school, sports, child's dreams. Then came love, family, children, work, home, where I was loved and welcome. What else does one need for the entire happiness? I had everything! But no, it didn't suffice, I needed to spice up my life, I needed some adrenaline, some excitement... Drugs gave me this adrenaline.

It all started with a small dose. First there was a mere interest, then drugs took control over me and drew me in. What is important – I liked it. Of course I had doubts about it. I knew it wouldn't end well. I threw onto the scale everything I had: my family, my wife with children, the well-being of the home where I lived, the relations with my relatives, close people. On the other scale I threw the bliss that gave me rose-coloured world. And I chose this rose color, removing all doubts by the confidence that I was able to control the situation. I was sure nothing bad would happen as long as everything was within reasonable limits. That is what I thought

Привет! Меня зовут Том. Мне сейчас 33 года. Я долго думал, что написать. Все собирался с мыслями и не мог никак решиться, что-то внутри меня останавливало, тормозило. Поначалу, когда поступило предложение написать о себе, о своем житие, как я стал тем, кем я есть сейчас, все казалось проще простого и мне не составит труда донести до вас свои чувства, мысли о происходящем. Но все оказалось не так то просто, начали вкрадываться сомнения, о чем вообще писать. Какие-то банальности, о которых все слышали, читали, которыми вряд ли кого-то удивишь, тем более до кого-то достучаться. И на фоне всех этих размышлений появилось огромное желание высказаться, излить наболевшее. Я ни в коей мере не прошу какого либо сочувствия, жалости к себе и себе подобных. Просто хочу сказать, что в свое время не нашлось ни кого, кто поговорил бы со мной об этом.

Я ВИЧ-инфицированный. Начиналась моя жизнь как у всех нормальных людей, родился и жил в Таллинне. Беззаботное детство, учеба в школе, занятия спортом, были детские мечты и грезы. Потом пришла любовь, семья, дети, работа, дом, где меня ждали. Что еще нужно человеку для полного счастья? Вроде все есть?! Но нет, оказывается, всего этого было недостаточно, нужно чего-то нового, остренького, какогонибудь адреналинчику, что бы душа развернулась... Этим остреньким ощущением и стали для меня наркотики.

Все начиналось с малого. Сначала был интерес, затем это стало овладевать мною и затягивать все глубже, а главное мне это нравилось. Были, конечно, сомнения, размышления по этому поводу, что не к чему хорошему это не приведет. На чашу весов было поставлено все, что я имел: семья, жена с детьми, благополучие дома, где я жил, отношение родных, близких мне людей. На другую чашу было положено блаженство, которое приносило мне мир в розовом свете. И я выбрал "розовый свет", успокоив свои сомнения, что всегда могу держать ситуацию под контролем и ничего страшного не произойдет, если все будет в меру. Так я считал тогда и был уверен в своих силах. Но всему приходит конец... Никакого блаженства, одна боль. Вследствие этого началась не-

Tere! Minu nimi on Tom. Olen praegu 33-aastane. Mõtlesin kaua, mida kirjutada. Kogusin pikalt mõtteid ning ei suutnud kuidagi otsustada, miski minu sees segas, pidurdas. Alguses, kui mulle tehti ettepanek kirjutada endast, oma elust; kuidas minust sai see, kes ma praegu olen, tundus kõik lihtsamast lihtsam, et mulle ei valmista oma mõtete ja tunnete teieni toomine mingeid raskusi. Kuid see ei osutunud siiski nii lihtsaks ning hakkasin kahtlema, millest üldse kirjutada. Mingid banaalsused, millest kõik on kuulnud või lugenud, mis kedagi vaevalt üllatavad või, seda enam, südant puudutavad. Ning kõigi nende mõtete taustal tekkis suur soov kõik ära rääkida, valusad asjad välja öelda. Mingil juhul ei oota ma teilt kaastunnet, haletsust või midagi niisugust. Tahan lihtsalt öelda, et omal ajal ei leidunud kedagi, kes oleks neist asjust minuga rääkinud.

Olen HIV-nakatunu. Mu elu algas nagu kõigil normaalsel inimestel. Sündisin ja kasvasin Tallinnas. Muretu lapsepõlv, õpingud koolis, tegelemine spordiga, olid ka lapsepõlveunistused ja – mured. Seejärel tuli armastus, perekond, lapsed, töö, kodu, kus mind oodati. Mis on inimesel veel täielikuks õnneks vaja? Oleks nagu kõik olemas? Aga ei, tuli välja, et sellest kõigest pole küllalt, oli vaja veel mingeid teravaid elamuusi, veidi adrenaliini, et hing rahule jääks. Selleks teravaks elamuuseks said minu jaoks narkootikumid. Kõik algas tagasihoidlikult.

Alguses oli huvi, seejärel hakkas see mind endasse sügavamale tõmbama, aga peamine – see meeldis mulle. Muidugi, olid kahtlused, mõtisklused selle üle, et millegi heani see välja ei vii. Kaalul oli kõik, mis mul oli: perekond, naine ja lapsed, kindlustatud kodu, suhted sugulastega, kes olid mulle lähedased. Teisel kaalukaasil oli õndsus, mille andis mulle roosat värvi maailm. Ning ma tegin valiku roosa maailma kasuks, rahustades ennast sellega, et ma saan olukorda alati oma kontrolli all hoida ning midagi hullu ei juhtu, kui mõõtu pidada. Tõllal ma arvasin nõnda ja olin veendunud oma tugevuses. Kuid kõigele tuleb

and I was sure in my strength. But there are curtains for everything... No bliss anymore, only pain. Due to this pain there began unscrupulousness in liaisons and means. And here is the result. Everything is lost, there is only HIV and prison ahead. And the thick fog of helplessness.

I learned I had HIV when I was passing the tests in prison. Subconsciously I was ready to learn the news and that's why I wasn't really shocked. I was shocked later, when I saw people's attitude towards HIV-positives. One might as well put on the shroud and a bell, as it was done with the lepers years ago. I don't want to describe all that has happened all these years since the day I received the results of the HIV test. This is my fault and no one had incited me to do that. Yes, it is true. But I am not going to thrust my opinions on anybody and prove what is right and what is wrong. I just want to say – people, look back.

I realized one thing – I have committed a great mistake, yielding to temptation, but I have paid for it completely. Now I am turning inside out all my life, I am reconsidering my views on what has happened to me. I realize I can't bring back the pure past. Now I have only present with me, I want to live. I understood that I am not alone in this world. There are people who need me, despite everything. They believe in me. I am grateful they exist.

разборчивость во всем, в связях, в средствах. И вот итог. Все потеряно, а впереди ВИЧ, тюрьма и непроглядный туман в будущем.

О ВИЧ-инфекции я узнал в тюрьме, когда сдавал анализы. Подсознательно я был готов к этому и шока я не испытал. Шок произошел потом, когда я увидел отношение людей к ВИЧ-позитивным. Впору было натянуть на нас саван, на шею надеть колокольчик, как когда-то поступали с прокаженными. Не хочется описывать все то, что происходило за все те годы, которые прошли с момента сдачи анализов на ВИЧ. Сам виноват и никто меня на это не толкал. Да, это так. Но я никому не навязываю свое мнение и не пытаюсь доказывать, что хорошо, а что плохо. Просто хочется сказать – люди, оглянитесь.

Я понял одно, что совершил чудовищную ошибку, поддавшись искушению, но я за это поплатился сполна. Сейчас выворачиваю наизнанку всю свою подноготную, пересматриваю свои взгляды на произошедшее со мной, понимаю, что светлого прошлого мне не вернуть. Теперь у меня есть только настоящее, я хочу жить. Я понял, что не одинок в этом мире, есть люди, которым я нужен, несмотря ни на что, они верят в меня. Я благодарен им за то, что они есть.

lõpp... Ei mingit õndsust, ainult valu.

Selle tulemusena hakkasin kõiki narkootikumidesse seotud asju võtma tagajärgedele mõtlemata. Ning tagajärg saabus. Kõik on kaotatud, aga ees ootavad HIV, vangla ning udune tulevik.

HIV-nakkusest sain teada vanglas, kus ma analüüsi tegin. Alateadlikult olin selleks valmis ning mingit šokki ei kogunud. Šokk tuli hiljem, kui ma nägin inimeste suhtumist HIV-positiivsetesse. Tol ajal tundus, nagu mulle oleks selga tõmmatud katkuhaige rüü ja kaela kelluke riputatud, nagu kunagi keskajal. Ei tahaks kirjeldada kõike seda, mis on toimunud nende aastate jooksul alates momentist, kui tegin HIV analüüsi. Ise olen süüdi ning keegi mind sellele ei tõuganud. Nii see on. Ma ei suru kellelegi oma arvamust peale ja ei hakka tõestama, mis on hea, mis halb. Tahan lihtsalt öelda – inimesed, tehke silmad lahti.

Olen mõistnud ühte – kiusatusele järele andes tegin kohutava vea, ning maksin selle eest kallilt. Praegu heidan endast kogu teeskluse, hindan ümber oma vaated minuga toimunule ja mõistan, et helgesse minevikku mul tagasiteed ei ole. Nüüd on mul ainult olevik, ma tahan elada. Sain aru, et ma pole selles maailmas üksik, siin on inimesed, kellele ma olen kõigele vaatamata vajalik, kes minusse usuvad. Olen neile selle eest tänulik, et nad minuga on.

SVETLANA/СВЕТЛАНА/SVETLANA, 27

This is a history already. However, for me it isn't finished yet. It continues. I cannot still understand all the reasons that pushed me to try the dope. I think, the main two reasons were to enjoy the forbidden fruit and the minimum knowledge about the grave consequences. It is now that I understand that one has to pay for everything he does in life. Back at that time, except for the fact that it was bad, I didn't know anything. "Bad" – is a very vague meaning and, if you really want, you can always alleviate it.

By the time I was 24 I had managed to get married and had a daughter. You can call this period of my life a pursuit to find myself. A pursuit at the wrong time and at the wrong place. In May, 2000, I tried heroin for the first time, in half a year I was already hooked. I lost taste for life. In March, 2001, I learned that I had been infected by HIV. I remember well the feeling of confusion and fear. How would my family and close people treat me? However, no one turned away from me. Gradually I got used with the thought that I was special. Everything was the same, I continued to get high. I was degrading as a person and turning not even into an animal, but into a plant, because animals are smarter than people – they would never hurt themselves consciously. I started to hate myself, but still couldn't give up heroin. The biggest thing I managed was to make a two months break. I realized that I couldn't solve this problem by myself. To top it all, I was breaking the law quite often and had become a frequent guest in the police. I knew, the prison sentence was just around the corner. I was expecting it as manna from heaven.

In 2002 I was sentenced. Waking up from the narcotic oblivion I started to realize that I was at the deadlock. I had to change something immediately.

And now it is different. I have changed the direction of my consciousness by 180 degrees. I have fallen in love with life again, even more passionately. I have goals that I want to achieve

Это уже история. Но для меня она еще не закончена, она продолжается. До сих пор не могу понять всех причин, которые побудили меня попробовать наркотик. Думаю, две основные – это желание запретного плода и минимальное знание о последствиях. Это сейчас понятно, что за все в жизни надо платить. А тогда, кроме этого, что это плохо я не знала ничего. А плохо – понятие растяжимое и при желании, голос разума можно заглушить.

К 24 годам я успела побывать замужем и родить дочь. Наверное, можно назвать тот период в моей жизни поиском, но не в нужном месте и не в то время. В мае 2000 года я попробовала героин, через полгода плотно "сидела" на игле. Жизнь стала мне не мила. В марте 2001 года я узнала, что инфицирована ВИЧ. Хорошо помню, свое чувство растерянности и страха. Как теперь ко мне будут относиться мои родные и близкие? И никто от меня не отвернулся. Я постепенно привыкла к тому, что я "особенная". Все осталось по прежнему, я продолжала колотья, деградируя как личность и превращаясь даже не в животное, а в растение, ведь животные намного умнее людей, они никогда не будут сознательно наносить вред своему здоровью. Я стала противна сама себе, но расстаться с героином не смогла. Самое большое, на что меня хватило, это два месяца передышки. Мне стало ясно и понятно, что собственными силами я не смогу справиться с проблемой. Тем более, что постоянно нарушала закон и была частым гостем в полицейском участке, зная, что не за горами тюремное заключение. Я ждала этого дня, как манна небесной. В 2002 году меня посадили. Отходя от наркотического дурмана, я стала осознавать, что нахожусь в жизненном тупике. Необходимо срочно что-то менять.

И теперь все по-другому. Я поменяла направление своего сознания на 180 градусов. Я заново полюбила жизнь и полюбила ее больше, чем прежде. У меня есть цели, к которым я стремлюсь и которых я обязательно добьюсь. То, что было раньше – это уже прошлое. Неважно, кем ты был раньше, важно то, кем ты являешься сейчас и к чему стре-

See oli minevik, kuid minu jaoks on see veel lõpetamata lugu. Siiani ei suuda ma mõista kõiki põhjusteid, mis äratasid minus huvi narkootikumide vastu. Arvan, et oli kaks peamist põhjust – soov maitsta keelatud vilja ning vähene teadlikkus tagajärgede kohta. Alles nüüd olen mõistnud, et kõige eest siin elus tuleb maksta. Tollal ei teadnud ma sellest asjast muud, kui et see on halb. Aga halb – see on laialdane mõiste ja soovi korral on alati võimalik mõistuse häält alla suruda.

24. eluaastaks olin jõudnud olla abielus ja sünnitada tütre. Arvatavasti oli see minu elu otsingute periood, kuid valel ajal ja vales kohas. Maikuu 2000. aastal proovisin heroiini, poole aasta pärast olin juba tugevalt „nõela otsas”. Elu ei tundunud mulle enam armas. Märtsikuu 2001. aastal sain teada, et olen HIV – positiivne. Mäletan hästi tookordset meeltesegadust ja hirmutunnet. Kuidas hakkavad nüüd minusse suhtuma lähedased ja tuttavad? Aga keegi ei pööranud mulle selga. Hakkasin tasapisi harjuma mõttega, et olen „eriline”. Kõik jäi endiseks, jätkasin süstimist, degradeerudes kui isiksus ja muutudes mitte loomaks, vaid taimeks, kuna loomad on inimestest targemad – nad ei tee teadlikult kunagi liiga oma tervisele. Muutusin ise-endale vastikuks, kuid heroiinist loobuda ei suutnud. Kõige rohkem, mis ma suutsin, oli 2-kuuline paus. Mulle sai selgeks, et oma jõududega ma seda probleemi lahendada ei suuda. Seda enam, et rikkusin pidevalt seadust, olin pidev „külaline” politsei jaoks, teadsin, et vangla ei ole enam mägede taga. Ootasin seda päeva nagu taevamannat. 2002. aastal pandi mind kinni. Toibudes narkouimast, hakkasin endale teadvustama, et mu elu on ummikusse jooksnud. On vaja kiiresti midagi muuta.

Nüüd on kõik teisiti, muutsin oma ellusuhtumist 180 kraadi. Ma hakkasin uuesti elu armastama, veel rohkem, kui enne. Mul on nüüd eesmärgid, mille poole püüelda ja ma kavatsen need kindlasti ka saavutada. Kõik olnu on nüüd minevik. Pole tähtis, kes sa olid, vaid see, kes oled ja mille poole püüded! Õigusega öeldakse, et HIV on meeleolu haigus – need poolteist aastat, mis ma olen vanglas olnud, ei saa ma tervise üle kurta: tunnen end suurepäraselt. Olen

and I will achieve. The things in the past – they are in the past. It doesn't matter who you were before. What matters is who you are now, and what you want to achieve! HIV is righteously called the "mood-disease" – this half a year that I have been imprisoned I can't complain about my health. It is perfect. I am aiming at the long, fruitful and happy life.

Young and beautiful people, I pray, stop for a minute and listen to yourself. Narcotic high, painful withdrawal, never-ending depressions – this is not the state that brings you happiness! When the drug holds on to your throat with a mortal grip, weakening this grip only to let you gulp some air and then squeezes its dirty hands on your pulse harder and harder, until it's too late. This is not life – it is lower than life. Your family, your health, the tears of your children, your mother – this is a too expensive price to pay for the momentary pleasure, which very quickly turns into a misery. There have always been problems in life and one should solve them, not avoid them by getting high. One should only look around – there are always people that will help you. They will never turn away from you, even if your relatives have. Change your way of thinking. For me HIV is not a verdict. It is rather the beginning of a life, another life. Time presses and there are still so many things to do...

Optimist Svetlana, 27 year old.

(From the editor – Svetlana was released from prison in May, 2004, she is pregnant at the present and will get married soon.)

мишья! Верно, что ВИЧ называют болезнью настроения, за полтора года, что я нахожусь в заключении, на здоровье пожаловаться не могу: оно отличное. Настрой у меня на долгую, плодотворную и счастливую жизнь.

Молодые и красивые, я прошу вас, остановитесь, хоть на минуту, и прислушайтесь к себе. Наркотический кайф, ломки, бесконечные депрессии – это не то состояние, в котором вы счастливы! Когда наркотик мертвой хваткой держит вас за горло, ослабляя ее только для того, чтобы ты глотнул воздуха и потом, сжимая свои грязные руки на вашем пульсе, все сильнее и сильнее, пока не станет уже слишком поздно. Это не жизнь – это ниже ее. Твоя семья, твое здоровье, слезы твоих детей, матерей – это слишком дорогая цена за кратковременного удовольствия, которое очень быстро превращается в каторгу. Проблемы в жизни есть всегда и их надо решать, а не уходить от них прячась в кайфе. Необходимо только оглянуться вокруг, всегда есть люди, готовые помочь тебе, и они не отвернутся от тебя, даже если родным ты уже не нужен. Измени свое мышление – для меня ВИЧ, это не приговор, это начало жизни, только другой. Время идет и столько еще нужно успеть сделать...

Оптимистка по жизни Светлана, 27 лет

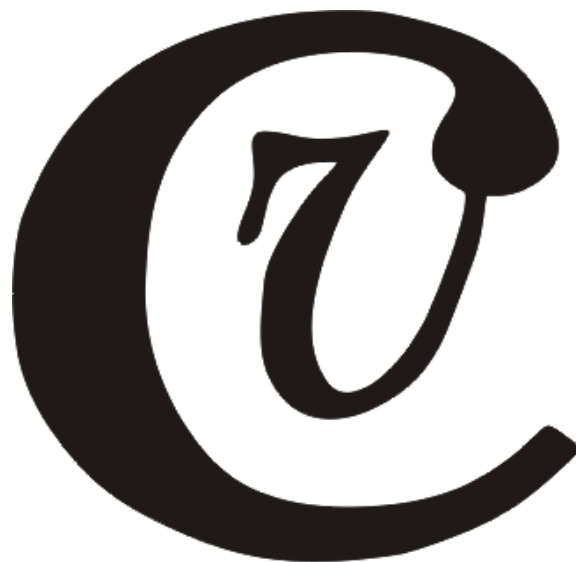
(От редактора: Освободилась в мае 2004 года, выходит замуж, ждет ребенка.)

häälestunud pikaagesele täisväärtuslikule ja õnnelikule elule.

Noored ja ilusad, palun peatuge hetkeks ja kuulake oma mõistuse häält. Narkokaif, piinav pohmelus, pidev depressioon – see pole see, mis teeb teid õnnelikuks! Kui narkootikum hoiab teid oma surmahaardes, lõdvendab ta seda vaid mõneks hingetõmbeks, et hiljem suruda oma rāpased käed sinu pulsile kuni on juba liiga hilja. Elul pole enam mingit väärtust. Sinu pere, sinu tervis, laste ja emade pisarad on liiga suur hind hetkelise naudingu heaks, mis väga ruttu muutub painajaks. Elus tekib alati probleeme, kuid need tuleb lahendada, mitte peita end hetkelise kaifi varju. Tuleb vaid vaadata enda ümber ringi – alati leidub inimesi, kes on valmis aitama isegi siis, kui lähedased on sind hüljanud. Muuda oma mõttemaailma - minu jaoks pole HIV mitte surmaotsus, vaid teistsuguse elu algus. Aeg möödub, kuid väga palju on veel vaja jõuda teha...

Eluaegne optimist Svetlana, 27-aastane.

(Toimetaja märkus: vabanes vanglast 2004. aastal, on praegu lapseootel ja läheb varsti mehele)

**CONVICTUS
EESTI**

Additional information, questions, suggestions:

www.convictus.org

Your copy of the book is available from:

igor.sobolev@convictus.ee

Информация, вопросы, пожелания и предложения:

www.convictus.org

Ваша копия книги:

igor.sobolev@convictus.ee

Täiendav info, küsimused, soovid ja ettepanekud:

www.convictus.org

Teie raamatu eksemplari saate:

igor.sobolev@convictus.ee

CONVICTUS EESTI

Convictus was established in Sweden more than 10 years ago. In Estonia it started its work in October 2002. It is a nonprofit organization, which helps and supports drug addicts, and HIV-infected people.

Our typical client is a drug addict, a prisoner/ex-prisoner, with unfinished education, unemployed, without knowledge of Estonian language, HIV-infected, with hepatitis B or C, and sometimes even homeless.

Estonian Convictus consists of 20 employees; half of them are people who had drug abuse problems and criminal background and another half are specialists in their fields. In both groups we are using the best experience and get perfect results.

Convictus is doing its work in different ways: 1) needle exchange and consultation program (includes outreach work), 2) support groups for drug addicts in all Estonian prisons, 3) educational programs, 4) wood workshop, 5) support group for female drug addicts, and 6) co-operation with different organizations from Russia, Lithuania, Latvia, Sweden, Poland and Finland.

The philosophy of our organization is the following:

We always remember that first of all we are working with a human being, a personality, and only then with a person, who has social problems.

It doesn't matter how much you are "at the bottom" – you always have a chance to return to a normal life.

It doesn't matter who you are – everyone has rights to live and be an equal member of society.

Организация Convictus была основана в Швеции более 10 лет назад. В Эстонии свою деятельность она начала в октябре 2002 года.

Это бесприбыльная организация, которая помогает наркоманам и ВИЧ-инфицированным людям.

Наш типичный подопечный – это наркоман, заключенный/бывший заключенный, с незаконченным образованием, безработный, не знающий эстонского языка, ВИЧ-инфицированный, с гепатитом В или С, а иногда и бездомный человек.

В Convictus Eesti работает 20 сотрудников, половина из которых – люди, ранее употреблявшие наркотики и пребывавшие в заключении. Другая половина команды – это профессионалы в своей области. В обеих группах мы используем накопленный опыт и получаем превосходные результаты.

Convictus работает в разных направлениях: 1) обмен шприцев и консультационная программа (включающая программу помощи нуждающимся), 2) группы поддержки во всех тюрьмах Эстонии, 3) образовательные программы, 4) обучение по обработке дерева, 5) группа помощи для женщин-наркоманок и 6) сотрудничество с различными организациями из России, Литвы, Латвии, Швеции, Польши и Финляндии.

Философия нашей организации:

Мы всегда помним, что, прежде всего, мы работаем с человеком, личностью, и только потом, с человеком, у которого имеются социальные проблемы.

Не важно, как низко ты опустился – у тебя всегда есть шанс вернуться к нормальной жизни. Не имеет значения, кто ты – у всех есть право на жизнь и на то, чтобы быть равноправным членом общества.

Convictus asutati Rootsis enam kui kui 10 aastat tagasi. Eestis alustas see tegevust oktoobris 2002. Convictus on mittetulundusorganisatsioon, mis aitab ja toetab narkosõltlasi ja teisi HIV-nakatanud inimesi.

Meie tüüpiline klient on narkosõltlane, kinnipeetud/eks-kinnipeetud, lõpetamata haridusega, töetu, eesti keele teadmista, HIV-nakatanud, B või C hepatiidiga, ning mõned on kodutu.

Eesti Convictusel on 20 töötajat, pooled neist on kriminaalse taustaga inimesed, kellel on olnud probleeme narkosõltuvusega, ning pooled on oma ala spetsialistid. Mõlemas grupis kasutame parimaid kogemusi ning saame laitmatuid tulemusi.

Convictus teeb oma tööd mitmeti: 1) nõelade vahetus ja konsultatsiooni program (sisaldab ka outreach tööd), 2) toetusgrupid kõigis Eesti vanglates, 3) haridusprogrammid, 4) puidu workshopid, 5) toetusgrupp naisnarkosõltlastele ja 6) koostöö erinevate organisatsioonidega Venemaalt, Leedust, Lätist, Rootsist, Poolast ja Soomest.

Meie organisatsiooni filosoofia on:

Peame alati meeles, et töötame inimolendiga, isiksusega ning alles siis inimesega, kellel on ühiskondlikke probleeme. Ei ole tähtis kui põhjas sa oled – sul on alati lootus naasta normaalse elu juurde. Ei ole tähtis kes sa oled – igaühel on õigus elule ja olla ühiskonna võrdne liige.

WWW.CONVICTUS.ORG

